

Ксения Кано

Путь в темноте

18+

Ксения Кано
Путь в темноте
Серия «Связанные», книга 2

<https://litres.ru/74491143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тёмные называют её Ключом. Но дверь, которую она пыталась закрыть, всё ещё открыта.

Мир называет её узлом. Но нити, что держали её, стали тоньше.

Они называют её любимой. Но выдержит ли любовь то, что ждёт впереди?

Она спасла одного — и потеряла часть себя. Теперь они втроём идут по землям, которые больше не принадлежат людям. Там Тёмные не бродят вслепую — они ждут. Одни хотят вернуться домой. Другие забыли, что такое дом. И все они чувствуют её.

Яна должна закончить то, что начала. Но сначала ей придётся понять, чем она стала. И чем стали они — друг для друга.

Впереди — путь, которого нет на картах. У каждого своя цель. И у каждого — своя цена.

Содержание

Пролог. В темноте	4
Глава 1. После	9
Глава 2. Новая сила	20
Глава 3. Страх	30
Глава 4. Возвращение	43
Глава 5. Дом	52
Глава 6. Темнота	68
Глава 7. Связи	85
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ксения Кано

Путь в темноте

Пролог. В темноте

Связь с Павлом таяла на моих глазах.

Я чувствовала это так же отчётливо, как чувствуют, когда песок утекает сквозь пальцы — медленно, неумолимо, и сжимать кулак бессмысленно, потому что он уже почти весь ушёл. Она истончалась с каждым шагом, и я бежала — не зная куда, ведомая лишь надеждой, просто потому что остановиться было нельзя.

— Паша! — крикнула я в темноту.

Темнота не ответила.

Я спотыкалась, падала на колени, тут же поднималась и бежала дальше. Под ногами было что-то твёрдое — не земля, не камень, просто твёрдое, — но я не думала об этом. Я думала только о том, что должна успеть. Обязана.

— Паш.

Это был уже не крик. Голос сорвался. Я не помнила, когда последний раз пила или ела. Не помнила, когда спала или отдыхала. Помнила лишь этот поиск и то, как связь становилась все тоньше и тоньше с каждым днем.

Помнила бой. Огонь, лёд, крики, тварей в узком распад-

ке между скал. Помнила, как искала его среди живых и не нашла. Помнила свое отчаяние и слабый проблеск надежды, когда я поняла, что до сих пор чувствую нашу связь.

Она была очень слабой, но это значило, что Паша жив. И что я могу его найти. Я пошла за ней. И вот уже не знаю, сколько времени прошло. Неделя? Месяц? Время для меня перестало существовать, будто его нельзя измерить обычными мерками.

Связь тает. С каждым днем она становится тоньше, слабее, и я боюсь, что скоро не смогу её удержать. Что она просто исчезнет, и тогда я потеряю Павла навсегда.

— Ну пожалуйста, — прошептала я почти беззвучно, потому что силы стремительно покидали меня. — Не уходи. Ты мне нужен.

Связь дрогнула в ответ — или мне показалось. Я не знала. Я уже не была уверена ни в чём. За эти месяцы с плато я привыкла доверять тому, что вижу, привыкла читать людей по тому, как они светятся в темноте. Но сейчас темнота вокруг была пустой — ни одного огонька, ни одной чужой жизни, ничего, кроме этой единственной, умирающей связи впереди.

Я знала её лучше, чем своё дыхание. Знала её жар, её плотность, то особое покачивание, с которым она отзывалась, когда я останавливалась и прислушивалась. Нить, что нас связывала, была наполнена его силой. И только это позволяло мне не впасть в бездну отчаяния.

Я бежала до тех пор, пока ноги не начали заплетаться. Потом пошла быстрым шагом. Потом просто шла, прижав руку к груди, как будто это могло помочь удержать то, что уходило.

Я остановилась. Попыталась прислушаться не к звукам, а к тому, что было за ними. Раньше, когда я касалась чужой силы, я всегда чувствовала состояние человека — его боль, страх, усталость, надежду. Всё отражалось во мне откликом. Но сейчас всё молчало. Как будто на том конце был не живой человек, а безжизненная вещь, не имеющая ни чувств, ни эмоций. То, что ждало меня впереди, погрузилось в такую глубину, что перестало отзываться.

— Где ты? — я говорила еле слышно. — Куда ты пропал?
Тишина.

Я сделала ещё шаг. Потом ещё один. Связь почти исчезла — осталась совсем тонкая ниточка, еле заметная, и я цеплялась за неё изо всех сил, боясь, что если отпущу хоть на секунду, то потеряю навсегда.

И тогда я увидела его.

Далеко впереди — силуэт. Размытый, нечёткий, как отражение в воде. Но это был силуэт человека, и он стоял там, в темноте, и я узнала его. Узнала всем телом сразу, раньше, чем успела подумать.

— Паша!

Я побежала.

Я бежала так, как не бегала никогда — не думая, не чув-

ствуя боли в ногах, не замечая ничего вокруг. Только этот силуэт впереди, который не двигался, просто стоял и ждал. Я почти уже добежала. Ещё немного. Ещё несколько шагов. Я уже протянула руку...

Удар.

Жёсткий и внезапный. Я налетела на что-то невидимое всем телом и отлетела назад. Ударилась о что-то твёрдое. Закашлялась. Перед глазами поплыло.

Я попыталась встать — ноги не слушались. Упала снова. Поднялась на четвереньки. Посмотрела вперёд.

Силуэт стоял по ту сторону. Совсем близко. Я протянула руку и нащупала — ничего. Просто воздух. Но тело помнило удар. Что-то там было. Что-то, что не пускало.

Я поднялась на колени. Потом на ноги. Сделала шаг. Снова наткнулась на невидимую преграду — но на этот раз осторожно, ладонями вперёд. Под руками было холодно и гладко. Как стекло. Или лёд. Я не знала.

Я прижала обе ладони к этой холодной поверхности.

— Паша, — позвала я. — Я здесь. Я нашла тебя. Пожалуйста, вернись ко мне.

Силуэт не двигался. Я вглядывалась в темноту, пытаюсь разглядеть хоть что-то — лицо, движение, что угодно, — но видела только размытые, дрожащие очертания, будто смотрела сквозь толщу воды.

Я забарабанила ладонями по преграде.

— Пусти! Пожалуйста, пусти меня!

И тогда силуэт качнулся.

Не ко мне — назад. Я замерла, не веря собственным глазам. Он отступал. Медленно, будто нехотя, будто его что-то утягивало против воли, силуэт растворялся в темноте позади себя, становясь всё бледнее, всё прозрачнее.

— Нет, — прошептала я. — Нет, нет, стой!

Я забыла про преграду. Бросилась вперёд, ударилась снова, но боли уже не почувствовала. Колотила по невидимой стене руками, кричала его имя снова и снова, а силуэт всё удалялся, уменьшался, уходил в самую темноту, растворяясь в ней без следа.

Связь между нами натянулась в последний раз — так туго, что я почувствовала это внутри собственной груди, острой вспышкой боли. А потом она лопнула.

Тишина.

Не та тишина, что была раньше, полная слабого, едва уловимого эха. А настоящая, глухая, окончательная тишина — как будто того, что связывало меня с Павлом, никогда и не существовало.

Я упала на колени перед этой невидимой стеной. Протянула руки вперёд, в пустоту, туда, где секунду назад стоял он. Там больше никого не было.

— Паша, — позвала я в темноту одними губами, зная уже, что ответа не будет.

Глава 1. После

Очнулась я от холода. Я лежала на чём-то мягком. Пахло дымом и травами. Где-то рядом потрескивал костёр.

Я открыла глаза.

Небо было серым. Я видела его сквозь ветви — кривые, чёрные, без листьев. Деревья. Настоящие деревья. Не камни. Значит, мы не на плато.

Я повернула голову.

Артур лежал рядом. На боку, лицом ко мне. Его грудь медленно поднималась и опускалась. Дыхание было ровным. Живым. Рана на груди — я видела её сквозь разорванную рубашку — затянулась. Остался только шрам. Розовый, свежий, но уже не смертельный.

Я смотрела на него долго. Слишком долго, наверное. Потому что всё ещё не верила. Всё ещё ждала, что он откроет глаза. Или что грудь перестанет подниматься. Что угодно.

Он не открывал. Но и не переставал дышать.

Павел сидел у костра. Спиной к нам. Его плечи были напряжены, и я видела, как в свете огня поблёскивает его меч — он держал его на коленях, готовый в любой момент вско-чить.

— Паш, — позвала я.

Он обернулся мгновенно. Его лицо — в кровоподтёках, с рассечённой бровью — осветилось. Он поднялся, подошёл,

опустился на колени рядом. Его рука — горячая, шершавая — легла мне на лоб.

— Жара нет, — сказал он, будто самому себе. — Хорошо.

— Где мы?

— Не знаю. — Он покачал головой. — Я очнулся через пару часов. Или через день. Не помню. Ты была без сознания. Артур тоже. Я перетащил вас сюда — тут укрытие, деревья, костёр. Дальше не пошёл. Не мог оставить вас.

Я посмотрела на Артура.

— Он?

— Дышит. Ровно. — Павел помолчал. — Я думал, он не выкарабкается. Рана была... плохая. Но она затянулась.

— Что случилось? На плато.

Павел сел удобнее, прислонившись спиной к стволу. Он смотрел не на меня, а на огонь. И говорил медленно, будто заново переживая каждую секунду.

— Мы с Артуром держали их, как могли. Он был больше в защите, а я, как обычно, нападал. Было чувство, что я сам стал огнем. Ты ушла к Двери. Я не видел, что ты делала — только свет. Сначала слабый, потом ярче. А потом то усиление, что ты нам дала, — оно начало спадать. Как будто ты забирала его обратно. Или оно само уходило. Я не знаю.

Он замолчал. Я видела, как ходят желваки на его скулах.

— Драться стало тяжело. Очень тяжело. Тёмных было слишком много. Мы с Артуром отступали. Шаг за шагом. Он уже еле стоял. Я тоже. А потом они остановились. Просто

замерли. Все. Сразу. Как будто кто-то дал команду.

— И что было дальше?

— Я обернулся. — Павел поднял на меня глаза. — Я обернулся, чтобы посмотреть, что с тобой. И увидел, что ты... растворяешься. Как будто свет внутри тебя стал слишком ярким. Как будто ты стала им. Я не знаю, как это объяснить.

Я молчала. Я помнила. Помнила, как отдавала. Как отдавала всё. Как свет шёл из меня, и я не могла остановиться.

— А потом был взрыв, — продолжил Павел. — Совсем беззвучный. Но он раскидал всех. Тёмных. Меня. Артура. Камни. Всё. Я очнулся не сразу. Не знаю, сколько прошло. Когда пришёл в себя — первое, что сделал, — пошёл искать вас.

Он замолчал. Надолго. Я не торопила.

— Ты лежала на камнях. Вся в свете. Он лился из тебя — тихо, как вода. И окутывал Артура. Я подошёл ближе. Увидел, что он... — Павел сглотнул. — Он не дышал. Я видел, что не дышал. Я стоял и смотрел, как свет входит в него. А потом свет погас. И он вдохнул.

Он замолчал. В костре треснула ветка.

— Темных к тому моменту уже не было. Ни одного. Я не знаю, куда они делись. Может, ушли. Может, их не стало. Я не знаю.

— Дверь?

— Она осталась. Я не подходил к ней. Я унёс тебя оттуда, потом вернулся за Артуром. Мне показалась, что она стала

меньше. Но тогда она интересовала меня меньше всего. Мне хотелось просто унести тебя оттуда. Подальше. И верить, что вы очнетесь.

Я лежала, глядя в ветви над головой. Я вспоминала, как увидела Артура, истекающего кровью и без дыхания. Как хотела его спасти. Как из меня вырвалась неизвестная сила. И как эта сила окутала Артура

Я попробовала потянуться к ней. Как раньше тянулась к метке. К дару.

Ничего.

Пустота. Ровная, гладкая. Как камень.

— Не получается? — тихо спросил Павел. Он видел. Конечно, он видел.

— Нет.

— Сейчас ты слишком слаба. Дай себе время.

Я закрыла глаза. Хотела рассказать ему. О том, что видела. О том, что помнила. О Тёмном. О том, что приходило ко мне. О том, что говорило о Двери, о ключе, о мире. Но слова не шли. Мысли расплзались, как мокрый снег.

Павел, кажется, понял.

— Потом, — сказал он. — Не сейчас. Сейчас ты поешь, и спать. Всё остальное — потом.

Он помог мне сесть. Дал лепёшку — жёсткую, но съедобную. Кружку воды. Я ела медленно, через силу. Смотрела на Артура. На его лицо — уже не белое, а просто бледное. На его грудь, которая поднималась и опускалась.

Жив. Дышит. Всё остальное — потом.

Я легла обратно. Павел накрыл меня своим плащом — тем самым, тёплым, пахнущим дымом и кожей. Я хотела что-то сказать, но не успела. Сон накрыл меня мягко, без снов.

Во второй раз я проснулась оттого, что кто-то рядом шевельнулся.

Я открыла глаза. Свет изменился — стал ярче, будто прошло несколько часов. Павел сидел на том же месте, но теперь он не смотрел в огонь. Он смотрел на Артура.

Артур открыл глаза.

Мутные. Далекие. Но его. Он моргнул. Потом ещё раз. Потом медленно повернул голову — к нам. К Павлу. Ко мне. И остановился.

— Ты жива, — прошептал он.

Голос был хриплый, сорванный.

— И ты, — ответила я.

Он попытался улыбнуться. Улыбка вышла слабой, но настоящей. Павел уже подносил флягу. Артур сделал несколько глотков, поморщился, но не отвёл от меня взгляда.

— Сколько? — спросил он.

— День. Или два, — ответил Павел. — Я не считал.

Артур медленно сел. Я видела, как он борется с телом — как напрягаются его плечи, как дрожат руки. Но он сел. Сам.

Он посмотрел на свою грудь. На шрам. Провёл по нему пальцами. Долго молчал.

— Я помню, — сказал он наконец. — Помню, как мы дра-

лись. Помню, как ты ушла к Двери. Помню свет. А потом — темнота. И тепло. Оно было таким... Даже не знаю, как объяснить. Родное. Как будто кто-то держал меня.

Он поднял на меня глаза.

— Это была ты.

Я не ответила. Только кивнула.

— Что произошло? — спросил он. — После того, как я... отключился.

Я посмотрела на Павла. Он кивнул — коротко, ободряюще. И я начала говорить.

Рассказала про Дверь. Про то, как поняла, что не могу открыть её — что я не тот ключ. Про то, как сила хлынула из меня. Про то, что видела Тёмного — того самого, что приходил ко мне во снах. Про то, что он сказал: я — ключ не от их двери. Про то, что приходило ко мне потом — часть мира. Что одарённые — это ответ мира на приход Тёмных. Что она передала мне свои силы. И что теперь всё будет по-другому.

Я говорила долго. Артур слушал, не перебивая. Павел тоже. Только огонь трещал в костре.

Когда я закончила, Артур долго молчал.

— Значит, Дверь не закрыта, — сказал он наконец.

— Да, — честно ответила я. — Она говорила, что Дверь можно закрыть. Навсегда. Но не так, как я пыталась. Не одной.

— А как?

— Не знаю. Пока не знаю.

Павел подкинул ветку в костёр. Огонь вспыхнул ярче.

— Что дальше? — спросил он. — Возвращаемся в общину?

— Не знаю, — повторила я. — Не знаю, где мы. Не знаю, сколько идти. И я пока не могу идти вообще.

— Это временно, — сказал Артур. Он всё ещё был бледен, но говорил уже твёрже. — Мы восстановимся. И найдём дорогу.

— А если Дверь снова откроется? — тихо спросил Павел. — Пока мы будем восстанавливаться?

Мы молчали. Ответа не было.

И в этот момент я услышала шум.

Не ветер. Не зверь. Шаги. Медленные, осторожные. Но шаги. Кто-то шёл к нам.

Павел вскочил мгновенно. Его меч вспыхнул — я даже не увидела, как он успел его вытащить. Огонь побежал по лезвию, и в его свете я увидела лицо Павла — собранное, злое, готовое.

Артур встал. Тяжело, пошатываясь, но встал. И выбросил руку — воздух вокруг него дрогнул, покрываясь изморозью. Лёд пополз по земле, тонкий, блестящий.

Я смотрела на них — на огонь и лёд, — и чувствовала.

Их сила. Она изменилась. Стала стабильнее. Ярче.

Они посмотрели друг на друга. Потом на меня.

— Чувствуешь? — спросил Павел.

— Да, — ответил Артур. — У меня намного больше сил,

чем раньше.

— Мы стали сильнее, — добавил Павел. — Намного.

Я смотрела на них и понимала: после всего, что произошло после того, как я отдала всё, что было, что-то изменилось. И в них тоже. Их сила стала глубже. Стабильнее. Как будто то, что я в них вложила, осталось. Осело. Стало частью.

Шаги приблизились.

Из-за деревьев вышла женщина.

Высокая, худая. В тёмном плаще, с капюшоном, откинутым на плечи. Шрам через всю щёку. Волосы цвета пыли, забранные в узел. Она не выглядела ни дружелюбной, ни враждебной. Только усталой. И внимательной.

Она остановилась в нескольких шагах от костра. Посмотрела на меч Павла. На лёд Артура. Потом на меня.

И я почувствовала её.

Как волну. Холодную, тяжёлую. Чужой страх. Не мой. Он шёл от неё — и в то же время был её частью. Как будто она была не источником, а проводником.

— Я не враг, — сказала женщина. Голос был низкий, спокойный. — Опустите оружие. Если бы я хотела напасть, я бы не стала шуметь.

Павел не двинулся. Артур тоже.

— Кто ты? — спросил Павел.

— Виолетта. — Пауза. — Вель.

Она смотрела на меня. Долго. Не отводила взгляда.

— Ты сделала это.

— Что?

— Свет. — Она кивнула куда-то в сторону, за деревья. —

Три дня назад. Я видела. Далеко. Но видела.

Павел переступил с ноги на ногу. Меч не опустил.

— Ты одна?

— Да.

— Давно?

— Семь лет. — Она помолчала. — Здесь. В этих местах.

Артур чуть опустил руку. Лёд на земле подтаял, но не исчез.

— Ты знаешь, где мы?

— Знаю. — Вель снова посмотрела на меня. — Знаю эти земли. Воду. Еду. Места, где можно спрятаться.

— От кого? — спросил Павел.

— От них. — Она не уточнила. Не нужно было. — Я их чувствую. Всегда. Задолго до того, как они подходят. Это мой дар. Я чувствую страх. И передаю его.

Павел сжал меч сильнее.

— Полезно.

— Не всегда.

Она замолчала. Смотрела в огонь. Долго.

— Я не бывала на плато, — сказала она наконец. — Видела. Далеко. Не подходила. Никогда. Слишком близко. Слишком ярко.

— А в тот день? — тихо спросила я.

— В тот день я почувствовала. — Вель подняла на меня глаза. — Сначала — их. Много. Все шли туда. К плато. Потом — свет. А потом...

Она замолчала. Подбирала слова.

— Что? — спросил Артур.

— Тепло. — Вель сказала это просто. Без пафоса. — Я почувствовала тепло. Не как от огня. Другое. Как будто кто-то взял за руку. Как будто я не одна.

Она посмотрела на меня. Прямо. Без страха.

— Я не чувствовала такого семь лет. С тех пор, как у меня открылся дар. Я забыла, что так бывает.

Павел опустил меч. Не убрал. Но опустил.

— Ты хочешь пойти с нами, — сказала я. Не спросила.

— Да. — Вель кивнула. — Я хочу найти того, кто это сделал. Хочу понять, что это было.

— А если это будет опасно?

— Всё опасно. — Она усмехнулась. Горько. — Семь лет я живу в опасности. Устала.

Артур посмотрел на меня. Я — на Павла. Он долго молчал. Потом убрал меч в ножны.

— Идём вместе, — сказала я.

Вель кивнула. Подошла к костру. Села. Протянула руки к огню. Не спросила разрешения. Просто села.

Мы сидели вчетвером. Молчали. Огонь трещал, и в его свете я видела лица — усталые, насторожённые. Но живые.

Я закрыла глаза. Сила всё ещё была там. Слабая, далёкая.

Но она возвращалась. Медленно, капля за каплей. Как вода в колодце после долгой засухи.

Я не знала, что будет дальше. Не знала, где мы. Не знала, что случилось с Дверью.

Глава 2. Новая сила

Утром Павел решил разжечь костёр.

Он делал это сотни раз. Тысячи. Привычным движением — щепоть сухих веток, ладонь над ними, лёгкий импульс. Искра. Маленький огонёк, который потом разгорится.

Он направил силу.

Костёр взорвался.

Не в прямом смысле — но я едва успела отшатнуться, когда пламя взметнулось выше моего роста. Огонь рванулся вверх, затрещал, лизнул ветви над нами. Павел отпрянул, выставив руки, — и только тогда пламя начало опадать. Медленно, неохотно, как будто хотело остаться.

Мы все замерли.

— Ты как? — спросил Артур, поднимаясь. Он был бледен, но уже держался на ногах.

— Нормально. — Павел смотрел на свои ладони. — Я не... Я не вкладывал столько.

— А сколько вложил?

— Столько же, сколько всегда.

Вель сидела у ствола, привалившись спиной к дереву. Она не вздрогнула. Не отшатнулась. Только смотрела на Павла внимательно, как смотрят на зверя, который ещё не решил, опасен он или нет.

— Ярко, — сказала она. Просто.

Павел посмотрел на неё.

— Ты что-то чувствуешь?

— Да. — Она помолчала. — Ты громкий. Слишком.

Павел нахмурился, но ничего не сказал. Он не понял — а я поняла. Вель не знала, каким он был раньше. Она просто чувствовала то, что есть сейчас. И то, что есть сейчас, было слишком ярким даже для неё.

Артур шагнул к костру. Он был ещё слаб — я видела, как он бережёт каждое движение, — но держался ровно. Он протянул руку к нашей кружке с водой. Хотел остудить. Мелочь. Обычное дело.

Кружка покрылась льдом.

Полностью. До самого дна. Вода внутри застыла мгновенно, и тонкая корка инея поползла по стенкам, перебираясь на его пальцы. Артур отдёрнул руку. Помолчал. Потом посмотрел на меня.

— Тоже самое, — сказал он. — Я вложил минимум сил.

Я кивнула.

Я чувствовала это. Их сила раньше ощущалась как две отдельные реки — жаркая и холодная. Теперь это походило на бушующее море, оно было шире, глубже и намного опаснее. Но в то же время, я чувствовала спокойствие и стабильность их сил. Их наполненность. Как будто то, что произошло на плато укрепило и наполнило их.

И я чувствовала их силы так же чётко, как раньше — до того, как отдала всё.

Значит, мой дар возвращался.

Медленно. По капле. Но возвращался.

— Попробуй ещё раз, — сказала я Павлу. — Медленно. Меньше, чем обычно. Намного меньше.

Он кивнул. Собрался. Направил силу — осторожно, как незнакомое оружие в первый раз. На этот раз костер вспыхнул чуть менее интенсивно. Но все равно намного сильнее, чем раньше.

Павел выдохнул и задумчиво посмотрел на свои руки.

— Привыкну, — сказал он. Не мне. Себе.

Вель поднялась. Подошла к костру. Села на корточки — близко к огню, ближе, чем стоило бы. Она протянула руки к пламени, и я почувствовала, как от неё идёт волна. Мягкая. Ровная. Не страх.

— Что ты делаешь? — спросил Артур.

— Греюсь. — Она помолчала. — Мне всегда холодно. С тех пор, как я одна.

Она не жаловалась. Просто сказала. Но в этой фразе была заключена вся ее боль.

К полудню мы смогли идти.

Медленно. Очень медленно. Я шла, опираясь на Павла. Каждый шаг отдавался в теле тупой болью, и я чувствовала, как он напрягается, чтобы не дать мне упасть. Артур шёл сам — опираясь на палку, но сам. Он восстанавливался быстрее. Я видела это по тому, как выравнивалось его дыхание, как возвращался цвет лицу.

Вель вела нас. Она двигалась бесшумно, ступая по земле так, что не тревожила ни одной ветки. Иногда останавливалась. Прислушивалась. И шла дальше.

— Куда мы? — спросил Павел через час.

— К ручью. — Вель не обернулась. — Здесь недалеко. Вода. Еда. Можно передохнуть.

— Откуда ты знаешь эти земли? — спросил Артур.

Она помолчала.

— Ходила. Много. Пешком. Одна.

— Почему здесь? — не отставал Артур. — Почему не осталась ближе к людям?

Вель остановилась. Обернулась. Посмотрела на него. Долго.

— Потому что люди боятся, — сказала она. — А я чувствую их страх. Постоянно. А они чувствуют меня.

Она перевела взгляд на Павла.

— Ты. Ты сейчас боишься. За неё.

Павел не ответил. Сжал челюсти.

— И за себя, — добавила Вель. — Немного. Не признаёшься.

Она повернулась и пошла дальше.

Павел посмотрел на меня. Я пожала плечами. Я тоже это чувствовала — слабо, но чувствовала. Вель не читала мысли. Она читала то, что люди чувствовали, но часто скрывали, даже от самих себя.

Это было неудобно. Но честно.

К ручью мы вышли ближе к вечеру.

Вода была ледяной, чистой. Я села на берег, опустила ладони в поток, и холод разлился по рукам, по плечам, по всему телу. Хорошо. Это помогло мне почувствовать себя настоящей. Живой.

Артур сидел рядом. Молчал. Смотрел на воду.

— Как ты? — спросила я.

— Сила возвращается. А тело... — Он помолчал. — Тело ещё догоняет.

— Это хорошо.

— Это странно. — Он повернул ко мне лицо. — Я всегда контролировал лёд. Держал его. А сейчас он ведёт себя так, будто стал больше, чем я. Как будто... во мне теперь не осталось свободного места. Он занял всего меня. И это пугает.

Я задумалась.

— После того, что случилось там... на плато, — сказала я медленно. — Что-то осталось. Во мне. В тебе. И в Павле. Как будто часть того света осела. Сделала вас сильнее.

— Только нас?

— Я не знаю, — мне захотелось отвести взгляд. — Моя сила еще не восстановилась.

Он посмотрел на меня очень внимательно. Потом взял мою руку — холодными пальцами, но не ледяными. Просто прохладными. Слегка сжал. Я видела, что он хочет что-то сказать, и даже догадывалась, что именно. Но он молчал. Наверное, еще не нашел нужных слов.

Мы сидели так, пока Павел не позвал нас к костру.

Вель уже была там. Смотрела в огонь. Рядом лежала рыба — три штуки, выпотрошенные, готовые к жарке. Я не заметила, когда она успела их поймать.

— Ты поймала? — спросил Артур.

— Поймала.

Павел усмехнулся. Покачал головой. Но ничего не сказал.

Рыба была хорошей. Мы ели молча, и в этом молчании было спокойнее, чем в любом разговоре. Вель ела мало. Быстро. Как зверь, который привык есть, пока дают.

После еды она снова посмотрела в огонь. И заговорила.

— Тот день, — сказала она. — Вы спрашивали.

Мы замерли.

— Я почувствовала их первой. Тёмные. Много. Все шли в одну сторону. К плато. — Она помолчала. — Я ушла тогда. Подальше. Спряталась. Так делаю всегда. Переждать.

— И? — тихо спросила я.

— Свет. Яркий. Далеко. Но я видела. — Она подняла на меня глаза. — А потом — человек.

Павел насторожился.

— Какой человек?

— Один. Шёл от плато. Быстро. Не оглядывался.

— Как он выглядел? — спросил Артур.

Вель задумалась. Подбирала слова. Как всегда — короткие. Точные.

— Высокий. Немолодой. Тёмные волосы. С сединой. Уве-

ренный. Так ходят те, кто привык, что его слушают.

Мы переглянулись. Я знала это описание. Артур сжал челюсти.

— Алексей, — сказала я.

Вель посмотрела на меня. Не спросила, кто это.

— Может быть.

— Что ещё? — спросил Павел. — Ты что-то почувствовала?

Вель молчала. Долго. Смотрела в огонь. И когда заговорила, голос был другим. Не спокойным. Насторожённым.

— Я чувствовала силу. Но не как всегда. Как тебя, но по-другому. — Она посмотрела прямо на меня. — Он был одарённым.

Тишина.

Я смотрела на неё и чувствовала, как холодеет внутри.

— Ты уверена? — спросила я.

— Да. Я чувствую это. Одарённые... — она запнулась, подбирая слово, — громкие. Яркие. Их слышно. Даже без дара. Даже когда они прячутся. — Она помолчала. — Он был ярким.

Павел встал. Прошёлся по берегу. Вернулся. В его движениях было слишком много огня, который он сдерживал.

— Алексей никогда не был одарённым, — сказал он. — Никогда. Мы знали его годами. Он был обычным. Он был... Он не закончил.

Артур смотрел на воду.

— Значит, что-то изменилось, — сказал он.

— Что могло измениться? — спросил Павел.

— Не знаю. — Артур поднял голову. — Но в тот день на плато произошло много странного.

Он посмотрел на меня.

Я молчала. Думала. В голове крутились обрывки — свет, Дверь, Тёмный, слова о ключе. Что-то не складывалось. Что-то было рядом, но я не могла ухватить.

— Темный считал меня Ключом, — сказала я наконец. — Но я не смогла закрыть дверь. Если сила Алексея похожа на мою, как говорит Вель, возможно... — я не договорила. Мысль еще не до конца сформировалась, и я боялась даже думать об этом.

— Он тоже ключ, — Павел озвучил то, что я не хотела произносить даже мысленно.

— Почему он ушел? — тихо спросил Артур.

Я посмотрела на него. Меня тоже волновал этот вопрос

— Это лишь наши предположения. — Павел решил поставить точку в этом разговоре. — Пока рано говорить об этом. У нас слишком мало информации.

Мы снова замолчали. Тишина была тяжёлой. Даже Вель не двигалась — сидела, глядя в огонь, и я чувствовала, как от неё идёт волна спокойствия. Она передавала нам это чувство, даже сама не осознавая этого. И я впервые поняла, насколько это ценно — вот так, без слов, давать людям покой.

— Нам нужен отряд, — сказал Артур.

— Да, — согласилась я.

— И община.

— Да.

Артур посмотрел на меня.

— Ты сможешь идти?

— Смогу.

— Это далеко.

— Знаю.

Он кивнул. Долго смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на Вель.

— Ты знаешь дорогу?

— Знаю. — Она помолчала. — Община. Большая. За стеной. Я видела. Далеко. Но видела.

— Сколько?

— Пять дней. Может, шесть. — Она посмотрела на меня.

— Если быстро. Не для вас.

— Я справлюсь, — сказала я.

Вель не ответила. Только кивнула.

Я легла у костра, накрывшись плащом. Артур устроился рядом. Павел — с другой стороны. Как всегда. Как и должно быть.

Но я не могла уснуть.

Я лежала, глядя на звёзды, и думала об Алексее. О том, что он стал одарённым. О том, что он был на плато и ушёл оттуда.

И о том, что сказал темный. «Ты повернула ключ, но за-

мок не твой».

Я закрыла глаза. Рядом дышал Артур. Павел ворочался, не спал.

И где-то, в самой глубине, я чувствовала, как нити между нами натягиваются. Тонкие. Тёплые. Живые.

Я не знала, что ждёт нас впереди. Не знала, справимся ли. Не знала, что за сила теперь в Алексее и как он её получил.

Глава 3. Страх

С измененными мы столкнулись на второй день.

Их почувствовала Вель. Мы шли вдоль русла ручья, который должен был вывести нас к знакомым местам, и я уже начала узнавать деревья. Кривые, с чёрными стволами, покрытыми мхом. Лес, который я знала годами. Лес, который вёл домой.

Вель остановилась первой.

Она замерла посреди шага, будто наткнулась на невидимую стену. Её плечи напряглись, голова чуть склонилась набок, так, будто она прислушивалась к окружающему.

— Стойте, — сказала она.

Павел остановился мгновенно. Его рука легла на меч.

— Что?

— Голод. — Вель помолчала. — Впереди. Много.

— Сколько? — спросил Артур.

— Не знаю. — Вель не обернулась. — Много. Они ждут.

— Кого?

— Еду.

Павел посмотрел на меня. Я — на Артура. Он уже считал. Я видела это по тому, как сузились его глаза, как он чуть склонил голову вправо — туда, где лес сгущался в непролазную чащу.

— Можно обойти, — сказал он. — Взять южнее, через

овраг. Это крюк. Дня на два.

— У нас нет двух дней, — сказал Павел.

— А если пойдём напрямик, рискуем нарваться на стаю. Может, не одну.

— Или на что похуже. — Павел сжал челюсти. — Вель, ты чувствуешь, сколько их? Хотя бы примерно?

Вель долго молчала. Я видела, как она вслушивается в то, чего не слышали мы.

— Десять, — сказала она наконец. — Может, больше. Близко к воде. Они всегда у воды.

Она сказала это ровно. Без страха. Просто информация.

Павел и Артур переглянулись. Я знала этот взгляд. Так они решали всегда — молча, без слов, за секунду.

— Идём напрямик, — сказал Павел.

— Согласен, — ответил Артур.

Я не спорила. В обход — два дня. Два дня неизвестности. Может, там будет хуже. Может, там будет больше. Может, там не будет воды. Мы шли домой, и каждый день был на счету.

— Яна, — Павел обернулся. — Ты в стороне. Не приближайся.

— Я и не собиралась.

— Я серьёзно.

— Паш.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— Вель, — сказал Артур. — Ты с нами или в стороне?

— В стороне. — Она не колебалась. — Я не боец.

— Тогда держись рядом с Яной.

Она кивнула. Мы пошли дальше.

Стая ждала нас у излучины ручья.

Они стояли на берегу, и в первое мгновение я не поняла, кто это был раньше. Один — крупный, бурый, с чёрной мордой, облезлой шерстью и тремя рядами зубов в разинутой пасти. Второй — поменьше, но быстрее, с длинными лапами и гладкой кожей, как у ящерицы. Остальные — где-то между. Уродливые, разные, но одинаково голодные.

Они не двигались. Смотрели.

Павел шагнул вперёд. Артур — вбок, заходя с фланга. Я осталась на месте, рядом с Вель. Мы стояли в десятке шагов от схватки, и я чувствовала, как внутри меня что-то тянется — к их силе. Раньше я всегда сама обращалась к силе, чтобы почувствовать их. Сейчас же это происходило как-то само собой.

Павел поднял руку.

Он не выхватил меч. Не стал ждать. Просто выбросил ладонь, и огонь сорвался с его пальцев. Не искра, не струя — стена. Пламя разлилось по воздуху, как вода, и рухнуло на первую тварь.

Тварь закричала.

Не рычание. Не вой. Крик — высокий, рвущийся, — и она вспыхнула целиком. Кожа, шерсть, кости — всё занялось мгновенно, и горящая туша покатилась по земле, оставляя

чёрный след. Вторая бросилась вперёд. Павел не успел погасить пламя — оно ударило по ней само, будто живое, будто зверь, которого он держал на цепи и который сорвался.

Он отшатнулся. Впервые на моей памяти — отшатнулся от своего огня.

— Павел! — крикнул Артур.

— Я в порядке!

Он соврал. Я видела, как дрожат его руки, как он пытается удержать то, что рвётся наружу. Огонь вокруг него метался, искал выход, лизал землю, плавил камни. Слишком много. Слишком ярко. Слишком быстро.

Артур ударил льдом.

Он хотел сковать только тех, что бежали слева. Но лёд вырвался из земли волной — широкой, могучей, — и заморозил всё на своём пути. Трёх тварей, кусты, камни, часть берега. Вода в ручье покрылась коркой, и лёд пополз вверх по течению, туда, где стая ещё не успела сдвинуться.

Артур опустил руки. Посмотрел на них. Я видела, как он сжал пальцы, пытаясь вернуть контроль.

— Мы справимся, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Павел.

Они справились.

Твари рвались к нам, но каждый раз напарывались на стену огня или на лезвие льда. Павел сжёг четырёх. Артур заморозил ещё трёх, и когда лёд начал трескаться, Павел добавил огня — и твари, наполовину льдины, наполовину угли,

осыпались на землю.

Остальные отступили.

Не сразу. Они кружили по берегу, пытаясь зайти с флангов, но каждый раз натыкались на огонь или холод. И тогда, один за другим, они ушли в лес. Растворились между стволами так быстро, будто их и не было.

Я стояла. Смотрела. И не двигалась.

Потому что одна тварь не ушла.

Она выскочила из кустов слева — большая, с раздутой шей и кривыми клыками, облепленными чёрной слюной. Она не бежала к Павлу или Артуру. Она бежала к нам.

Я потянулась к силе. К тому, что возвращалось во мне по капле. Но я понимала, что не успею. Я была слишком слаба, чтобы воспроизвести хоть что-то. И я знала: она почувствовала это. Почувствовала, что я — лёгкая добыча.

Она прыгнула.

Вель шагнула вперёд.

Она не выбросила руку. Не вскрикнула. Просто шагнула между мной и тварью, и от неё пошла волна.

Я почувствовала это всем телом — как удар. Холод, который прошёл сквозь меня, не задев, но заставив сжаться. Тварь замерла в полупрыжке. Не остановилась — именно замерла, будто наткнулась на невидимую стену. Её глаза — жёлтые, мутные — расширились. Из горла вырвался звук. Не рычание. Скулёж.

Она рухнула на землю. Отползла. Отвернулась. И побежа-

ла. Так быстро, как я не видела, чтобы бегали изменённые. Она ломилась через кусты, ломая ветки, и через несколько секунд её уже не было слышно.

Вель опустила руку.

Она не смотрела на меня. Просто стояла.

— Что это было? — спросила я.

— Страх. — Вель помолчала. — Она испугалась. Я показала ей то, чего она боится больше всего.

— Что?

— Себя. Голод. Пустоту. — Она смотрела в лес, куда убежала тварь. — Они не думают так, как мы. Но они помнят, что когда-то были другими. И боятся вернуться туда. Туда, где нет ничего.

Я молча смотрела на неё.

Я чувствовала её силу. Не так, как раньше, когда она просто шла рядом. Теперь — вблизи, после того как она её использовала, — я ощущала её иначе. Не страх. Но что-то, что могло стать страхом. Могло стать ужасом. Могло стать чем угодно, чем она хотела.

И я поняла, насколько она сильна. По-настоящему сильна. Не в смысле битвы. В смысле того, что она могла сделать с людьми, если бы захотела.

Я не боялась её. Но я поняла, почему она живёт одна.

Павел и Артур подошли. Они были в крови, в копоты, в льду. Павел держал меч, но огонь на лезвии уже гас. Артур вытирал руки о штаны — лёд на его пальцах таял, капал,

оставлял мокрые следы.

— Что случилось? — спросил Павел, кивая на лес. — Мы видели, как одна рванула в вашу сторону.

— Она подошла ко мне, — ответила я. — Вель её прогна-
ла.

Павел посмотрел на Вель. Долго. Потом кивнул.

— Как?

— Страхом, — сказала Вель. Не обернулась. — Я показала ей то, чего она боится.

— Что?

— Себя.

Павел ничего не сказал. Только посмотрел на меня — оценивающе, как будто взвешивал что-то. Потом убрал меч в ножны.

— Спасибо, — сказал он.

Вель не ответила. Она уже шла дальше по берегу, туда, где лес редел и угадывались знакомые очертания. Как будто ничего не произошло.

Вечером мы разбили лагерь на опушке.

Павел разжёг костёр — на этот раз осторожно, медленно, удерживая силу. Огонь получился ровным. Он сидел у пламени, глядя на свои ладони, и я видела, как он учится заново. Как будто держит в руках что-то, что стало тяжелее и опаснее.

Артур сидел рядом. Молчал. Тоже смотрел на руки.

Я чувствовала их силу. Она бурлила под кожей — глубоко-

кая, тёплая, слишком большая для них. Они ещё не научились с ней жить. Но научатся. Я знала это.

Вель сидела чуть поодаль. Смотрела в огонь. Она всегда смотрела в огонь, как будто там было что-то, чего не было в другом месте.

Я подошла. Села рядом. Не близко — на расстоянии шага, чтобы она не чувствовала себя в ловушке. Так я делала с Дамиром. Так я делала с Мишей. Так я делала со всеми, кто боялся.

Вель не посмотрела на меня. Но не отодвинулась.

— Расскажи, — сказала я. Тихо.

— О чём?

— О себе.

Она молчала долго. Я не торопила.

— У меня была дочь, — сказала она наконец. — После Катастрофы. Я родила её уже тогда. В руинах. Когда мир разваливался.

Она говорила ровно. Как всегда — короткими фразами. Но в этих фразах было больше боли, чем в любых длинных речах.

— Ей было четыре. Мы жили в лагере. Небольшом. У реки. — Она помолчала. — Потом пришли твари. Ночью. Я не успела.

Она замолчала. Смотрела в огонь.

— Она умерла у меня на руках. И тогда я почувствовала это впервые. Дар. Он открылся. В тот самый момент. — Вель

сжала пальцы. — Я ничего не поняла. Просто почувствовала, как что-то рвётся наружу. Волна. И все вокруг начали кричать. От страха.

— Ты не хотела.

— Нет. — Она покачала головой. — Но это не имело значения. Я не умела это контролировать. Тогда. — Она подняла на меня глаза. — Я и сейчас не умею. Просто научилась прятаться.

— Поэтому ты ушла.

— Да. Люди стали бояться меня. Сначала я думала, что это временно. Потом поняла: нет. Это навсегда. Каждый, кто был рядом, чувствовал то, что я не хотела отдавать. И уходил.

Она снова замолчала. В костре треснула ветка.

— Семь лет, — сказала она. — Я живу одна. Сначала было тяжело. Потом привыкла. Потом перестала помнить, что бывает иначе.

— А теперь?

Она посмотрела на меня. Долго.

— Теперь я чувствую вас. Вас троих. — Она перевела взгляд на Павла и Артура. Потом снова на меня. — И это... странно.

— Что странно?

— Страх есть. — Она помолчала. — У тебя. У него. У обоих. Но он не главный.

Она замолчала. Подбирала слова — как всегда, короткие,

точные.

— Раньше было иначе. У людей страх всегда сверху. Как вода. Всё остальное — под ним. У вас — по-другому. У вас сверху иное.

— Что? — тихо спросила я.

Вель посмотрела на меня. Долго.

— Не знаю, как назвать, — сказала Вель. Она посмотрела на Павла. — Внутри него бушует пламя. Оно выжигает любовью страх. Согревает. И все время горит для кого-то.

Потом на Артура.

— Внутри него — тишина. Это похоже на горную реку, окованную льдом. Его страх скрыт под этим льдом. От него исходит спокойствие.

И снова ее взгляд вернулся ко мне.

— А у тебя... — она замолчала. — Ты боишься. За них. За других. Боишься той ответственности, что взвалила на себя. Боишься не успеть. Но этот страх не владеет тобой. Ты не пытаешься его спрятать. Ты делаешь его своей силой. Я чувствую силу, а не страх.

Она замолчала. Отвела взгляд. Посмотрела в огонь.

— Я забыла, что так бывает, — сказала она. — Когда страх — не главное.

Я не стала спрашивать дальше. Просто сидела рядом. Молча.

Дорога до общины заняла ещё три дня.

Мы шли легко. Без приключений. Ни тварей, ни Тёмных,

ни странных звуков в лесу. Только деревья, стрекот насекомых, пение птиц и земля под ногами, которая с каждым шагом казалась все роднее. Я узнавала места — вон там мы собирали воду после одного из рейдов, а вон за тем холмом был лагерь, который мы разбивали два года назад.

Артур шёл уже сам. Твёрдо. Павел держался рядом, но уже не так настороженно, как в первые дни. Я видела, как они все время пытаются обуздать свою новую силу.

Павел постоянно боролся с собой. Он привык, что огонь — это ярость, движение, напор. А теперь сила стала больше, чем он мог удержать в привычных рамках. Он пробовал согреться — и зажигал не маленький огонёк, а целый костёр в ладони. Пробовал осветить путь — и пламя вспыхивало так ярко, что приходилось зажмуриваться. Каждый раз он гасил его резко, стиснув кулак, и смотрел на обожжённую ткань, на почерневшие пальцы. Злился. Начинал снова. И снова получалось слишком много.

Я видела, как сложно ему приходится. Как он пытается удержать то, что рвётся наружу. Он привык полагаться на чувство, на инстинкт — а инстинкт теперь обманывал. Давал больше, чем нужно.

Артур был другим.

Он подходил к силе так же, как подходил ко всему. Медленно. Точно. Терпеливо. Он садился в стороне, вытягивал руку и создавал лёд — маленький, ровный, идеальный. Первая пластина получилась слишком толстой. Он посмотрел на

неё, нахмурился и сделал вторую. Тоньше. Третью — ещё тоньше. К концу вечера он держал на ладони ледяной лист, прозрачный, как стекло, и я видела, как в нём преломляется свет костра.

Он делал это не потому, что было легко. А потому, что не позволял себе иначе. Он привык контролировать всё. Свои руки. Свои эмоции. Свою боль. Теперь — свою силу. И там, где Павел брал напором, Артур брал выдержкой.

Я смотрела на них и думала: они всегда были такими. Огонь и лёд. Не только по дару. По сути.

Павел злился на себя. Артур просто ждал, пока получится.

И оба учились. Медленно. Через ошибки. Но учились справляться с собственной силой заново.

Вель шла с нами. Молча. Ровно. Она не сближалась, но и не отдалялась. Просто была рядом. Как будто место рядом с нами было тем, где она могла дышать.

На третий день мы вышли к знакомой опушке.

Я остановилась первой.

За деревьями угадывались стены. Высокие, из брёвен, укреплённые металлом. Знакомые. Родные.

Община.

Павел остановился рядом.

— Дошли, — сказал Артур.

Я не ответила. Просто смотрела. Смотрела на стены, которые я знала двенадцать лет. На вышки, где дежурили дозорные. На дым из труб, который поднимался в серое небо.

Дом.

Я стояла и смотрела, и внутри меня что-то сжималось. Не страх. Не радость. Что-то, чему я не могла дать названия. Как будто я возвращалась не туда, откуда ушла. Как будто стены, которые я знала, стали другими — или это я стала другой.

За спиной Вель переступила с ноги на ногу. Я чувствовала её — как она напряжена, как вбирает плечи, как старается занимать меньше места. Люди. Много людей. Она чувствовала все их эмоции и это давило на неё.

Павел положил руку мне на плечо. Не сказал ничего. Просто стоял рядом.

Я посмотрела на стены ещё раз. На дым. На небо.

— Идём, — сказала я.

И мы шагнули из леса.

Глава 4. Возвращение

Община встретила нас равнодушно.

Мы вошли через восточные ворота, и я сразу почувствовала разницу. Раньше, когда отряд возвращался из рейда, у ворот собирались люди. Кто-то встречал родных, кто-то просто глазел, кто-то приносил воду и еду. Теперь — ничего. Женщина с ведром прошла мимо, даже не обернувшись. Мальчишка с собакой пробежал, не поднимая головы. Двое мужчин у кузни о чём-то спорили и не заметили нас.

Я знала почему. Они не понимали, что произошло. Не знали, что мы сделали. Не знали, что Дверь, о которой они даже не слышали, осталась приоткрытой. Для них мы просто ушли и вернулись. Как уходили и возвращались десятки раз.

Только дозорные на вышке смотрели нам вслед.

— Как будто нас тут не ждали, — тихо сказала Вель.

Она шла за нами, на расстоянии шага. Плечи вобранны, капюшон натянут. Я чувствовала, как ей тяжело. Люди вокруг. Их эмоции. Их равнодушие, которое она читала как шум.

— Ждали, — ответила я. — Обычные люди не в курсе событий.

Она не ответила.

Мы шли по главной улице. Я узнавала каждый дом, каждый забор, каждую трещину в стенах. Всё было знакомо. И всё казалось чужим.

А потом я услышала шаги.

Быстрые. Торопливые. Кто-то бежал.

Я обернулась.

Лина.

Она вылетела из-за угла дома, чуть не сбив с ног женщину с корзиной, и остановилась в нескольких шагах. Смотрела. Долго. Как будто не верила. Потом её лицо изменилось — и она бросилась ко мне.

Обняла так крепко, что перехватило дыхание. Её руки дрожали. Она что-то говорила — быстро, сбивчиво, — но я не разбираю слов.

— Я тебя убью, — сказала она наконец, отстраняясь. — Слышишь? Я тебя убью за то, что заставила меня так волноваться.

— Мы же вернулись. — сказала я с широкой улыбкой. Я была безумно рада ее увидеть.

Она усмехнулась — сквозь слёзы, которые тут же вытерла рукавом, — и снова обняла меня. Потом переключилась на Павла и Артура. Она не стеснялась и не сдерживалась. Она просто была рада нашему возвращению.

А из-за её спины уже шли остальные.

Саймон вышел первым.

Он был огромный — ещё больше, чем я помнила. С рас-сечённой бровью, которую, судя по всему, так и не залечил. С улыбкой, которая появилась, как только он нас увидел.

— Ну наконец-то, — сказал он. — А мы тут думали, что

вы решили устроить себе отпуск.

— Были мысли, но без вас скучно.

— Кто бы сомневался!

Он обнял меня. Крепко. Так, что хрустнули рёбра. Пожал руку мужчинам и тоже крепко их обнял.

А потом он увидел Вель. Не знаю, что именно его так зацепило, но он смотрел пристально и не мог отвести от нее взгляда.

Вель была не из робких и встретила этот взгляд прямо, не опуская глаз. Но и не улыбнулась. Просто стояла и смотрела в ответ.

— Это Вель, — сказала я. — Она с нами.

Саймон кивнул. Медленно.

— Вель, — повторил он. Как будто пробовал имя на вкус.

Она чуть склонила голову. Едва заметно. Но этого было достаточно.

Саймон отступил на шаг. Не ушёл. Просто встал чуть в стороне, и я видела, как он то и дело поглядывает.

Нора подошла следом. Она была бледной, как всегда. С берушами на шее, с тёмными кругами под глазами. Но когда увидела нас, что-то в ней дрогнуло. Она улыбнулась, и эта улыбка осветила ее уставшее лицо.

— Я слышала вас, — сказала она. — Уже пару часов как. С самого леса.

— И не сказала никому?

— Сказала. — Она посмотрела на Лину. — Они не пове-

рили.

— Мы поверили, — буркнула Лина. — Просто боялись сглазить.

— Не поверили, — отрезала Нора.

Лина только вздохнула.

Нора подошла ближе. Посмотрела на Вель. Долго. Потом на меня.

— Она тоже слышит, — сказала я. — Только иначе.

Нора кивнула. И теперь все ее внимание было приковано к Вель. Она смотрела на нее с пониманием. С тем самым пониманием, которое было доступно только ей, как единственной из нас, для кого не существует тишины.

Они посмотрели друг на друга. Две женщины, которые жили с шумом внутри. Разным. Но одинаково измотанные.

Нора молча взяла Вель за руку и пожала ее. Это был скорее жест поддержки, а возможно, началом зарождающейся дружбы.

Рэй подошёл молча.

Он тоже обнял меня, но не сказал ничего. Просто встал рядом. Так, как всегда. И я почувствовала его присутствие — спокойное, надёжное, как камень под ногами. Мужчины обменялись рукопожатиями и какими-то, только им понятными взглядами. Это было похоже на разговор без слов, где все понимали друг друга и так.

Арден стоял в стороне. Смотрел. Его тёмные глаза скользили по нам — по мне, по Павлу, по Артуру, по Вель. Оце-

нивали. Считали. Искали то, что скрыто. Потом он кивнул. Коротко. И этого было достаточно.

Дамир стоял позади всех. Он всё ещё хромал — рана давала о себе знать, — но держался прямо. Смотрел на нас. И я видела, как он борется с собой. Как хочет подойти, но не решается.

Я подошла сама.

— Как ты? — сказала я.

— Все в порядке.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом на Павла. На Артура. И что-то в его лице дрогнуло. Облегчение. Настоящее.

— Я хотел поговорить, — начал он. И замолчал. Не смог.

— Конечно, — сказала я. — Мы обязательно поговорим.

Он кивнул. И отвёл взгляд.

Том был с женой и дочками. Девочки уцепились за его ноги, глядя на нас широко раскрытыми глазами.

— Живые, — сказал он.

— Как и обещали. — я отвечала с улыбкой. Мне было радостно видеть их облегчение и понимать — нас действительно ждали и в нас верили!

Он отстранился. Посмотрел на Вель. Потом на меня.

— Вы привели новенькую?

— Да.

Он кивнул. И — неожиданно — улыбнулся Вель. Открыто. Тепло.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Вель посмотрела на него. И отвела взгляд, когда он зацепился за его дочерей. Но все же смогла взять себя в руки и слегка кивнуть, чувствуя искренность и доброжелательность, которая исходила от Тома.

Миша стоял в стороне. Худой, бледный, но уже не такой, как раньше. Что-то в нём изменилось. Что-то окрепло. Он хотел подойти, это было заметно по его порывистым движениям, но все же остался на месте. Наверное, боялся быть не уместным. Меня рассмешила это сдержанность, и я помахала ему рукой. Он улыбнулся в ответ и сразу расслабился.

Виталий был рядом с ним. Он тоже не стал подходить. Лишь кивнул нам издалека. Было заметно, что он тоже рад нашему возвращению.

Когда все наконец то обменялись приветствиями, я заметила, что на часть отряда как будто набежала тень.

Нора, Вера, Арден, Ида и Марк стояли вместе. После первых, самых радостных эмоций, они вспомнили о том, что ушли. И было понятно, что это заставляет их сомневаться в себе и чувствовать себя виноватыми.

Я подошла к ним.

— Вы все сделали правильно, — сказала я.

Нора покачала головой.

— Мы ушли.

— Вы вернулись, что предупредить и рассказать о Темных. Это было важно.

— Мы не помогли.

— Это не так. Да, в бою с Темными ваши силы не работали, но это не ваша вина. Мы справились. И главное, все остались живы.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом кивнула. Но я видела: она не сама в это не верит.

Вера не сказала ничего. Просто подошла и обняла меня. Молча. Крепко. И отошла.

Ида и Марк держались за руки. И одно это стоило нашей последней вылазки и всех сложностей, что мы преодолели. Я была очень рада за них.

Во мне будто разгорался огонёк счастья. От нашего возвращения, от лиц близких мне людей, от понимания, что нас ждали.

А потом в глазах резко потемнело.

Я зажмурилась. Боль пришла резко, без предупреждения — острая, жгучая, где-то за глазными яблоками, будто кто-то надавил изнутри. Я придала руки к глазам, хотелось выдавить эту боль наружу, чуть потерла и попробовала открыть глаза.

— Яна? — Павел уловил, как я поморщилась. — Что такое?

— Ничего. — Я моргнула ещё раз, прогоняя резь. — Песок в глаза попал, наверное. Пыль от дороги.

Он посмотрел на меня внимательно, но кивнул. Столько дней мы шли через лес — пыль, ветки, сухая трава. Ничего удивительного.

Боль отступила так же быстро, как пришла. Я выдохнула, потёрла веки тыльной стороной ладони снова и улыбнулась.

— Всё в порядке, — сказала я. — Правда.

Лина всё равно взяла меня за подбородок, заглянула в глаза — привычно, как делала это уже тысячу раз.

— Красноты нет, — сказала она. — Но если повторится — скажи мне сразу. Не геройствуй.

— Скажу.

Она отпустила меня, но взгляд задержала на секунду дольше, чем нужно.

Мне захотелось потянуться к силе Павла и Артура — привычно, как я делала это раньше, чтобы просто почувствовать, что с ними всё в порядке. Но я тут же остановила себя. Дар забирал силы даже тогда, когда я была полна ими до краёв. А сейчас, после всего, что случилось на плато, каждая капля была на счету. Не сейчас. Потом, когда отдохну по-настоящему.

Павел приобнял меня за плечи.

— Идём домой, — сказал он. — Тебе нужно отдохнуть по-настоящему. Не у костра, а в нормальной кровати.

— Идём, — согласилась я.

Мы попрощались с остальными — до завтра, до встречи в штабе — и пошли к дому Артура. Вель тихо отделилась от группы, сказала, что найдёт, где переночевать, и растворилась в сумерках раньше, чем я успела предложить ей остаться с нами. Саймон пошёл следом за ней — не спрашивая,

просто пошёл, и я видела, как Вель обернулась, будто хотела возразить, но промолчала.

Вечер опускался на общину медленно, окрашивая небо в тёмно-оранжевый. Я шла между Павлом и Артуром и впервые за много дней чувствовала что-то похожее на покой.

Глава 5. Дом

Дом Артура встретил нас знакомым запахом — лесом, морозом, чем-то едва уловимым, что я не могла назвать, но знала так же хорошо, как собственное дыхание.

Я вошла первой. Остановилась посреди комнаты. Смотрела на стол, на кровать, на окно. Всё было, как всегда. И в то же время в груди было непривычно легко — так, будто дом стал теплее, чем я его помнила.

Павел подошёл сзади. Обнял меня за плечи. Прижался подбородком к макушке.

— О чём думаешь?

— Обо всём.

— Это плохая привычка, — сказал он. — Я говорил уже.

— Говорил.

Он развернул меня к себе. Посмотрел в глаза.

— Ты правда в порядке?

— Правда.

— Тогда иди сюда.

Он поцеловал меня. Медленно, без спешки. Как будто у нас было всё время мира. Я почувствовала, как внутри разливается тепло — его тепло, знакомое, родное.

Артур подошёл с другой стороны. Его ладонь легла мне на талию — прохладная, но не холодная.

Мы двигались медленно. Без слов. Так, как умели только

мы втроём. Павел целовал мою шею, Артур — плечо. Их руки были везде: на талии, на спине, на затылке.

Я закрыла глаза.

И в какой-то момент почувствовала, что мы — не трое. Что мы — одно. Не в переносном смысле. В самом прямом. Как будто я ощущала Павла так же ясно, как собственное сердцебиение, а Артур стал для меня дыханием.

Они, кажется, тоже это почувствовали. Павел замер. Артур задержал дыхание.

— Яна, — прошептал Павел.

— Я знаю.

— Что это?

— То, что нас связывает, — сказала я, открыв глаза и посмотрев на них. — Это всегда было. Просто сейчас я это чувствую острее. И вы вместе со мной.

Они оба смотрели на меня. И в этот момент мне показалось, что мы наконец-то смогли по-настоящему принять нашу любовь и отпустить все условности, всю сдержанность, все ограничения, которые нас сковывали.

— Значит, мы всё делаем правильно, — сказал Артур.

И мы продолжили.

Утром я проснулась первой.

Я лежала между ними и смотрела в потолок. Тишина была мягкой, домашней. Сквозь щели в ставнях пробивался серый свет — раннее утро, ещё без солнца. Пахло лесом, морозом и чем-то тёплым, что осталось от ночи.

Павел спал на животе, раскинувшись. Его рука лежала у меня на животе — тяжёлая, горячая, как всегда. Артур спал на боку, лицом ко мне. Его дыхание было ровным, спокойным. Я видела, как подрагивают его ресницы — что-то снилось.

Я не двигалась. Просто лежала. Впервые за долгое время мне не хотелось никуда идти. Не было тревоги. Не было мыслей о Двери, об Алексее, о Тёмных. Только они. Только это утро. Только тепло их тел рядом.

Глаза чуть заныли — тупо, где-то в глубине. Я моргнула, прогоняя это ощущение, и постаралась не думать о нём.

Павел заворочался и приоткрыл один глаз.

— Ты чего не спишь? — голос у него был хриплый, сонный.

— Выспалась.

— Врёшь, — он зевнул и потянулся, не убирая руки. — Ты никогда не высыпаешься. Просто лежишь и думаешь.

— Может, я сегодня решила не думать.

— Ты? — он фыркнул. — Ты не умеешь не думать.

— Умею. Просто редко получается.

Он усмехнулся и притянул меня ближе. Поцеловал в висок — коротко, тепло.

— Ладно. Всё равно пора вставать.

Артур тоже проснулся, а я даже не заметила когда — просто в какой-то момент его взгляд уже был на нас. Ясный. Собранный. Как будто он и не спал вовсе. Только чуть припух-

шие веки выдавали, что он только что вышел из сна.

— Давно не спишь? — спросила я.

— Проснулся, когда вы начали разговаривать.

— И молчал?

— Слушал.

Павел хмыкнул.

— Подслушивал.

— Слушал, — повторил Артур спокойно. — Есть разница.

Он сел — одним движением, без паузы, без попытки удерживать сон. Так, как делал всё. Просто и точно, без лишних движений. И сразу посмотрел на меня — проверяя. Как всегда.

— Ты как?

— Хорошо. Правда.

Он кивнул. Поверил. Или сделал вид. С Артуром никогда не знаешь наверняка.

— Встреча в полдень, — сказал он. — У нас есть время.

— Чем займёмся? — спросил Павел.

— Поедим, — ответил Артур. — Ты, — он посмотрел на Павла, — идёшь за водой. Я займусь завтраком. Яна, — он перевёл взгляд на меня, — отдыхай. Лина сказала, что тебе нужен покой.

— Я не больная.

— Я знаю. Но завтрак я всё равно приготовлю сам.

Он встал и направился к очагу. Павел — за ним, натяги-

вая рубашку на ходу. Я осталась лежать на кровати, глядя, как они двигаются по дому. Как всегда. Как будто ничего не изменилось.

Улыбка не желала сползать с моего лица. Это утро было по-настоящему волшебным просто потому, что мы были вместе. И хотя бы сегодня я позволила себе верить, что так будет всегда, а впереди нас не ждёт очередное спасение мира.

К полудню мы собрались в штабе.

Пришли все. Виктор и Мария сидели во главе стола. Рядом — Нора, Вера, Арден, Рэй, Ида, Марк, Дамир, Том, Эва, Миша. Лина пришла последней, как всегда.

Вель стояла у стены. Саймон — рядом с ней. Не навязчиво, просто рядом. Я видела, что она уже не так напряжена, как вчера. Саймон молчал, но было видно, что он не даёт ей чувствовать себя чужой.

Виктор поднялся первым.

— Расскажите, — сказал он. — Что произошло, когда вы ушли.

Я рассказала.

Начала с того, как мы вышли к плато. Как увидели трещину — Дверь. Не строение, не арку — рваную рану в воздухе, которая дрожала и тянула к себе. Как я подошла к ней, уверенная, что смогу закрыть.

— Я думала, что я — ключ, — сказала я. — Так говорил Тёмный. Мы не знали точно, что произойдёт, но не могли не попытаться закончить то, что принесла нам Катастрофа.

— Что-то пошло не так? — тихо спросил Виктор.

— Оказалось, что я не тот ключ. Я повернула. Но замок не мой.

Я замолчала. Вспомнила свет — как он шёл из меня, и я не могла остановиться. Как отдавала всё: свою силу, чужую, ту, что собирала годами. Как Тёмные остановились, будто кто-то дал команду. Как обернулась — и увидела Артура на камнях, без дыхания.

— Дверь не закрылась, — продолжила я. — И не открылась до конца. Она так и осталась — трещиной. Приоткрытой. Я не знаю, что это значит. Но знаю, что её нужно закрыть. Навсегда.

Павел добавил. Про бой. Про то, как их силы вышли из-под контроля — огонь рвался из него, как зверь с цепи, лёд Артура замораживал всё вокруг. Про то, как Тёмные вдруг остановились. Все сразу. Как будто что-то почувствовали.

— А потом был взрыв, — сказал он. — Но он раскидал всех. Я очнулся — никого. Только Яна на камнях. Вся в свете. И Артур рядом. Без сознания.

Артур говорил последним. Коротко.

— Я помню, как мы дрались. Помню, как Яна ушла к Двери. Помню свет. А потом — темнота. И что-то тёплое. — Он помолчал. — Родное. Как будто кто-то держал меня. Не давал уйти.

Он посмотрел на меня.

— Это была ты.

Я не ответила. Только кивнула.

В комнате повисла тишина. Я видела, как переглядываются ребята — Нора, Саймон, Арден. Как хмурится Виктор. Как Мария сжимает губы.

— Там был Алексей. Его видела Вель. Он ушёл сразу после взрыва, — сказала я. — И он стал одарённым.

Виктор опустил взгляд на свои руки и кивнул. Медленно. Потом снова посмотрел на меня.

— А что это было? То, что приходило к тебе? Часть мира?

Я задумалась. Как объяснить то, что сама не до конца понимала?

— Оно сказало, что одарённые — это ответ, — сказала я наконец. — Мир ответил на приход Тёмных. Дал нам силу. Чтобы мы могли защищаться. Или чтобы что-то исправить. Оно не объяснило до конца. Сказало только, что Дверь можно закрыть. Но не одной.

— А Тёмные? — спросил Виктор. — Что они такое?

Я снова помолчала. Вспомнила голос в темноте. Спокойный и терпеливый, но совершенно не человеческий. Вспомнила голод, который я чувствовала от тех, что нападали.

— Я не могу сказать точно. Они разные, — сказала я. — Я поняла это только там. Есть те, что помнят себя. Разумные. Они пришли в наш мир, когда всё началось, и не могут вернуться. Они гаснут здесь. Медленно. Как свеча на ветру. Они не нападают — они ждут.

— А те, что нападали? — спросила Мария.

— Потерявшие связь. — Я посмотрела на нее. — Они были разумными, как и первые. Но наш мир их сломал. Они забыли себя. Забыли, откуда пришли. Остался только голод. Они чувствуют силу одарённых — и тянутся к ней. Не убить. Забрать. До капли.

В комнате стало тихо.

— И тех, и других — много? — спросил Виктор.

— Не знаю. Но разумные хотят вернуться домой. А потерявшие связь — хотят силы. И те, и другие опасны. По-разному.

Виктор откинулся на спинку стула. Долго молчал.

— Значит, есть Дверь, и мы не знаем способа её закрыть, — сказал он наконец. — Алексей жив — и стал одарённым. Тёмные остались — и они разные: те, что помнят себя, и те, что потеряли связь и тянутся к силе одарённых. Некая сущность нашего мира отдала тебе свою силу — но что это за сила, ты не знаешь. А Павел с Артуром стали ещё сильнее, хотя, казалось бы, куда уже. Я ничего не забыл?

— Не забыл, — сказала я.

Виктор кивнул и обвёл взглядом стол. Медленно, внимательно — как делал всегда, когда нужно было принять решение.

— Тогда давайте послушаем остальных, — сказал он. — Что здесь происходило, пока вас не было.

Арден подался вперёд первым.

— Мы знали, что прямое воздействие на Тёмных не ра-

ботает, — сказал он. — Когда мы столкнулись с Тёмными в лесу, силы Павла и Артура смогли убить некоторых. Но крик Норы и морок Веры они просто не заметили. А я не смог найти у них ни одной уязвимости.

— Мы тоже не со всеми справлялись. На плато это было хорошо заметно, — сказал Павел. — Одних мы спокойно жгли и морозили. Они рассыпались. А другие — поглощали удар и шли дальше. Мы не могли их остановить. Только задержать.

— Вот. — Арден помолчал. — А потом Ида предложила. Он посмотрел на неё. Она кивнула и продолжила.

— Если нельзя ударить по ним напрямую — надо ударить по тому, что вокруг них, — сказала она. — По камню. По дереву. По стене. Всё, что можно использовать как физическое оружие.

— Опосредственное воздействие, — сказал Рэй. — Мы проверить не смогли. Тёмные к общине не подходили. Но готовились.

— Мы работали с Мишей. — снова заговорил Арден.

Я посмотрела на Мишу. Он сидел в углу и чуть выпрямился. Не гордо. Скорее — готовый к тому, что скажут дальше.

— Он раскачивал наши дары, — продолжил Арден. — Сначала по чуть-чуть. Потом сильнее. Мы до сих пор учимся справляться с возросшей силой. И у некоторых открылось такое, чего раньше не было.

— Например? — спросил Павел.

Арден посмотрел на Веру.

— Она теперь может создавать мороки, — сказал он. — Не просто искажать пространство, а создавать полноценные образы. Дерево там, где его нет. Тварь, которой нет. Или наоборот — пустоту там, где стоим мы.

— И это работает? — спросил Артур.

— Пока не коснёшься, — ответила Вера. — При физическом контакте морок пропадает. И держится недолго. Но в бою этого хватает.

Артур кивнул.

— А я, — сказал Арден, — теперь могу не только видеть уязвимость. Могу её создавать.

— Как? — спросил Павел.

— Смотрю на камень — вижу, где он треснет. И могу сделать так, чтобы треснул именно там. Смотрю на стену — знаю, где она слабее. И могу сделать это место ещё слабее. — Он помолчал. — Раньше я только находил. Теперь — создаю.

Артур подался вперёд.

— То есть ты можешь обрушить стену, просто посмотрев на неё?

— Не сразу. Нужно время. И силы. Чем больше стена — тем дольше. Но могу.

— Это меняет многое, — сказал Артур. — Если придётся обрушить скалу на Тёмных — ты найдёшь, куда ударить.

— Найду.

— А у меня, — сказал Дамир, — щит стал больше. И держится дольше. Могу прикрыть не одного, а двоих. Может, троих. Если недолго.

— Это уже много, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом отвёл взгляд — слишком быстро, чтобы это было безразличием.

— Саймон? — спросил Павел.

— Не знаю, — честно ответил Саймон. — Миша пробовал раскачивать, но мы не поняли, что изменилось. Может, ничего. Может, что-то, чего мы не видим. В пределах общины особо не проверишь.

— Рэй?

— Я и так мог на расстоянии использовать свой дар, — сказал Рэй. — Теперь могу дальше. И на большую площадь. Больше ничего.

— Лина?

Она помолчала. Потом сказала:

— Я теперь могу вытаскивать даже тяжёлых. Если человек ещё жив — я могу его удержать. Даже если кровь уходит, даже если внутри всё разорвано. Раньше я не могла. Не хватало сил. Теперь — хватает. Но чем тяжелее случай, тем больше я отдаю.

— То есть ты можешь спасти даже тех, кого раньше не смогла бы? — спросил Виктор.

— Да, — сказала Лина. — Если успею.

Виктор кивнул.

— А Марк?

— Я теперь чувствую живых, — сказал Марк. — На пути. Раньше только дорогу видел. Теперь — кто на ней. В радиусе примерно километра. Люди, твари. Если кто-то рядом — я знаю.

— И давно ты это понял? — спросил Павел.

— Недавно. Мы с Идой ходили к дальнему оврагу. Я почувствовал тварей раньше, чем мы их увидели. Успели свернуть.

— Хорошо, — сказал Павел. — Это нам пригодится.

— Эва?

— У меня просто больше силы, — сказала Эва. — Могу теперь не одно поле вырастить, а целых два. — она улыбнулась. Было заметно, что ей приятно такое усиление ее дара.

— Том?

— Как и у Эвы примерно, — сказал Том. — Сильнее чувствую. Дальше. Но нового ничего.

— Ида?

Она покачала головой.

— Не знаю. Мы пробовали, но я не поняла. Может, что-то есть. Может, нет. Пока неясно.

Арден замолчал. Я видела, что он не сказал чего-то. Он смотрел на Нору.

Она сидела, сжав руки на коленях. Смотрела в стол. И я поняла.

— Нора не работала с Мишей, — сказала я.

Арден кивнул.

— Она отказалась.

Все посмотрели на Нору. Она не подняла глаз.

— Почему? — тихо спросил Павел.

Нора молчала долго. Потом сказала:

— Потому что мой дар и так сильный. Слишком. Я слышу всё. Всегда. Я не могу его выключить. — Она сглотнула. — Если он станет больше — я не выдержу. Я просто сойду с ума.

В комнате стало тихо.

— Мы не заставляли, — сказал Арден. — Она сказала — мы поняли.

— Правильно, — сказала я. — Не надо. Пусть остаётся как есть.

Нора подняла на меня глаза. Смотрела долго. Потом кивнула. Едва заметно. И впервые за всё утро её плечи чуть опустились.

Я встала.

— Вы молодцы, — сказала я.

— Мы верили, что вы вернётесь, — ответил Арден. — И не хотели отставать от вас. Хотя теперь мы вас никогда не догоним. — Он сказал это с улыбкой, которая тут же озарила лица остальных.

Я невольно улыбнулась в ответ. И почувствовала, как что-то в груди теплеет. Не сила. Не нити. Радость. Та самая, которая бывает, когда возвращаешься домой и понимаешь: те-

бя ждали.

— Догоните, — сказала я. — Куда вы денетесь.

— Никуда, — подтвердил Саймон. — Мы теперь как привязанные.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула Нора.

Даже Вель у стены чуть повернула голову. Она смотрела на них — на то, как они переговариваются, смеются, поддевают друг друга. Она не улыбалась. Но и не отводила взгляда. Как будто пыталась запомнить.

Я села обратно. Все смотрели на меня.

— И что дальше? — спросил Саймон.

— Нам нужно идти.

— Куда? — спросила Мария.

— К разумным Тёмным, — сказала я.

— Ты знаешь, где они? — спросил Виктор.

— Нет. — Я не стала врать. — Но я знаю, что они есть.

И знаю, что они чувствуют меня так же, как я их. Рано или поздно они найдут меня сами. Или я найду их.

— Зачем? — тихо спросил Артур. — Тот, что говорил с тобой, сказал, что больше не придёт. Что ему нечего тебе дать.

— Он сказал, что не придёт, — согласилась я. — Но он сказал и другое. Что разумные хотят вернуться домой. Что они гаснут здесь. — Я помолчала. — Если они хотят уйти — значит, они заинтересованы в том, чтобы Дверь закрылась. Так же, как и мы.

— Ты хочешь с ними договориться, — сказал Виктор. Это было утверждение, а не вопрос. — С Тёмными, которые пришли в наш мир и убил тысячи людей.

— С теми, кто не хотел приходить, — сказала я. — С теми, кто гаснет здесь. С теми, кто не нападал на общину ни разу за пятнадцать лет.

— Но они — Тёмные.

— Да. И они нам нужны.

Виктор долго молчал. Потом вздохнул.

— Ты уверена?

— Нет, — честно ответила я. — Но другого пути я не вижу. Дверь открыта. Если мы не найдём способ её закрыть и вернуть их обратно — рано или поздно они все потеряют связь и станет только хуже.

Он кивнул. Медленно.

— Хорошо, — сказал он. — Собирай отряд.

Я встала.

— Тогда так, — сказала я. — Сначала — один день отдыха. Все. Всем нужен покой. Потом — соберёмся снова. И решим, кто идёт.

— А кто остаётся? — спросила Мария.

— Кто-то должен остаться, — сказала я. — Община не может быть без защиты. Если Тёмные придут, пока нас не будет, — кто-то должен встретить их.

Я посмотрела на Дамира. Он выпрямился.

— Я останусь, — сказал он. — Щит. Я смогу прикрыть

людей. И укрепление стен — на мне.

— Хорошо, — сказала я.

— И я, — сказала Лина. — Я нужна здесь. Если начнётся — я должна быть с ранеными.

— Согласна.

— И Том, — добавил Павел. — У него семья. Ему нельзя.

Том кивнул. Молча. Я видела, что он хочет пойти. И что не может. И что ненавидит себя за это. Но ничего не сказала. Он и так знал.

— Значит, так, — сказала я. — Отдых. Потом — сбор. Все свободны.

Мы начали расходиться.

Я вышла последней. Павел и Артур ждали меня у двери. Я подошла, встала между ними.

— Мы справимся, — сказала я.

— Знаем, — ответил Павел.

— Всегда, — добавил Артур.

Мы вышли из штаба. За окнами вечер медленно опускался на общину. Где-то за стеной кричали птицы. Где-то в глубине леса ждали Тёмные.

А я шла между двумя мужчинами, которые были моей жизнью. Впереди — новый путь. Новый поход. Новые битвы. Но не сегодня.

Глава 6. Темнота

Ночью боль вернулась.

Я проснулась от неё — резкой, стреляющей, как будто кто-то раскалённой иглой прошёлся по векам изнутри. Открыла глаза в темноте комнаты и несколько секунд не могла понять, что происходит: мир перед лицом плыл, подёргивался белыми пятнами, будто я слишком долго смотрела на солнце.

Я лежала неподвижно, дожидаясь, пока пройдёт. Прошло. Не сразу — через несколько долгих минут, — но прошло.

Рядом дышал Артур, ровно и спокойно. Павел на другой стороне кровати что-то пробормотал во сне и перевернулся. Я не стала их будить. Списала на усталость, на длинную дорогу, на всё, через что мы прошли. Закрыла глаза и снова заснула — тревожно, урывками.

К утру глаза болели уже постоянно. Тупая, ноющая боль, будто под веками действительно был песок — крупный и колючий. Я моргала чаще обычного, тёрла глаза, но легче не становилось.

— Ты сегодня какая-то бледная, — заметил Артур за завтраком.

— Не выпалась, — соврала я.

Он посмотрел на меня внимательнее, чем мне хотелось бы, но ничего не сказал. Я видела, что он всё равно откла-

дывает это где-то у себя — на потом, на случай, если станет хуже.

Стало хуже к обеду.

Я сидела с Линой, помогала разбирать травы — простое, привычное дело, чтобы занять руки, — когда боль ударила снова. На этот раз сильнее. Мир перед глазами вспыхнул белым, будто кто-то поднёс к лицу факел, и я зажмурилась, вцепившись пальцами в край стола.

— Яна?

Голос Лины донёсся будто издалека.

— Всё хорошо, — выдавила я. — Сейчас пройдёт.

Не проходило.

Боль нарастала волнами — каждая следующая сильнее предыдущей, — и между вспышками я едва успевала отдышаться. Я слышала, как отодвинулся стул, как Лина оказалась рядом, взяла меня за подбородок, заглянула в глаза.

— Зрачки, — сказала она отрывисто, — реагируют неправильно. Яна, посмотри на меня.

Я попыталась. Перед глазами всё расплывалось — сначала лицо Лины, потом стены комнаты, потом всё разом слилось в один яркий, режущий свет.

— Больно, — прошептала я. — Очень больно.

— Так, — Лина уже двигалась быстро, я слышала это по звуку её шагов. — Сиди. Не вставай. Я позову Павла и Артура.

Она вышла. Я осталась одна, скорчившись на стуле, при-

жимая ладони к глазам, будто это могло хоть немного унять боль. Не унимало. Она пульсировала в такт сердцу, разгоралась и на секунду отступала, только чтобы вспыхнуть снова, ещё острее.

Я не помню, как оказалась на полу. Помню голос Павла — испуганный, слишком громкий для этой боли. Помню, как чьи-то руки подхватили меня. Помню, что пыталась сказать «я в порядке», но не смогла разобрать собственных слов.

А потом боль стала такой, что весь мир исчез в белой вспышке.

И наступила темнота.

Я приходила в себя медленно, как будто поднималась с самого дна глубокого озера.

Сначала — звуки. Голоса, приглушённые, будто через толстую ткань. Кто-то говорил быстро, тревожно. Кто-то другой отвечал коротко, деловито.

Потом — запах. Травы. Спирт. Лазарет.

Потом — ощущение тела. Тяжёлого, ватного, будто оно принадлежало не мне.

Я открыла глаза.

И не увидела ничего.

Абсолютно ничего. Ни света, ни теней, ни размытых очертаний — той черноты, что бывает, когда просто зажимаешь глаза. Это было другое. Плотное. Полное. Как будто глаза мои открылись в пустоту, у которой не было ни начала, ни конца.

Сердце заколотилось так, что стало трудно дышать.

— Паша, — позвала я. Голос дрожал. — Артур!

— Я здесь. — голос Павла раздался совсем близко, и я почувствовала, как что-то горячее сомкнулось на моей руке — его пальцы. — Яна, я здесь. Что ты видишь?

— Ничего. — Слёзы подступили сразу, обжигающие. — Я ничего не вижу, Паш. Совсем ничего.

Я услышала, как он резко вдохнул. Услышала шаги — быстрые, кто-то бежал.

— Лина! — крикнул он. — Лина, она очнулась! Она ничего не видит!

Ответ Лины я не разобрала — только звук её торопливых шагов, скрип двери, звон чего-то стеклянного, что она задела в спешке.

— Яна. — Её голос был рядом, спокойный, отработанно ровный, но я слышала за ним что-то ещё, что-то, что она пыталась спрятать. — Посмотри на меня. Ты видишь свет? Хоть что-нибудь? Тень, пятно, что угодно?

— Ничего. — Я замотала головой, и от этого движения боль слабо кольнула в висках. — Лина, я ослепла. Я совсем ослепла.

В комнате стало тихо — той тишиной, которая бывает страшнее любого крика.

Я чувствовала, как Артур сжал мою вторую руку с другой стороны кровати — так крепко, что стало почти больно.

— Мы разберёмся, — сказал он. Голос его был ровным,

но я слышала, чего ему это стоило. — Мы пока не знаем, что с тобой. Слышишь меня? Мы разберёмся.

Я не ответила. Не могла. Я лежала между ними, в крошечной, полной, беспросветной темноте, и единственное, что я чувствовала, — это их руки. Их тепло. Их присутствие.

А потом, где-то на краю этого ужаса, в самой глубине темноты, дрогнуло что-то ещё.

Слабо. Едва заметно.

Тонкая, дрожащая линия света — там, где должна была быть рука Павла.

Я протянула руку в темноту — медленно, наощупь, будто боялась обжечься. Пальцы наткнулись на тепло. На его пальцы. И в тот же момент тонкая линия света стала чуть ярче.

Я замерла. Не поняла. Не поверила.

— Паш, — сказала я тихо. — Ты здесь?

— Здесь. — Его голос дрогнул. — Я никуда не уйду.

Линия держалась. Она не была похожа на свет от огня или от лампы — не освещала ничего вокруг, светилась только сама. Тонкая, дрожащая, тёплая. И она вела от моей руки к его.

Я хотела сказать об этом. Открыла рот — и не смогла. Что, если мне кажется? Что, если я теряю рассудок вместе со зрением?

— Яна? — Это Артур. Его голос был справа, чуть дальше.

Я повернула голову на голос.

И увидела вторую линию.

Эта была другой — бледнее, ровнее, прохладная даже на вид. Она тянулась от меня направо, уходила в темноту и там, в темноте, тоже заканчивалась человеком. Артуром.

Я лежала неподвижно и смотрела. Две тонкие нити. И ничего больше — ни стен, ни постели, ни лица Лины, ни окна, ни потолка. Только эти две связи и темнота вокруг.

— Яна. — Лина уже стояла надо мной. Я слышала, как она наклоняется, как скрипит ножка стула рядом с кроватью. — Ты молчишь. Скажи мне что-нибудь.

— Я вижу.

Тишина. Потом сразу три голоса.

— Что?

— Что ты видишь?

— Где?

— Нити, — сказала я. — Они тянутся от вас ко мне. От тебя, Паш. И от тебя, Артур. Тонкие. Как... — Я искала сравнение и не нашла. — Как нити. Больше ничего не вижу. Только их.

Лица я не видела, но услышала, как они переглянулись — по тому, как замолчали одновременно, как задержали дыхание.

— Это невозможно, — сказала Лина. — Ты не можешь видеть. У тебя зрачки не реагируют на свет.

— Я знаю, что не могу. Но я вижу.

Она не ответила сразу. Я услышала, как она отходит, как гремит чем-то на полке.

— Так, — сказала она наконец. — Я проверю ещё раз. Сядь.

Я села с чужой помощью. Павел придерживал меня за плечи, и нить между нами натянулась чуть сильнее — я почувствовала это как слабый рывок где-то в груди. Или мне показалось. Я уже не понимала, что чувствую на самом деле, а что дорисовываю сама.

Лина светила мне в глаза. Я знала это по еле уловимому теплу близко у лица, по её дыханию. Не видела — знала.

— Хуже не стало, — сказала она. — Но и лучше. Зрачки всё так же не реагируют. Яна, ты точно видишь что-то, или это... — Она запнулась, подбирая слово помягче.

— Или это мне кажется, — договорила я за неё. — Я не знаю. Я не могу тебе доказать.

Павел сжал мою руку сильнее.

— Я позову Кирилла, — сказала Лина. — Возможно, он сможет что-то сделать.

Я услышала, как хлопнула дверь. Как в комнате остались только мы вдвоем.

— Ты как? — тихо спросил Артур.

— Не знаю, — ответила я честно. — Сначала было страшно. Теперь... — Я замолчала, прислушалась к себе. — Теперь странно. Как будто ничего не рухнуло. Как будто я что-то потеряла, но что-то другое осталось.

— Ты держишься.

— Я не держусь. Я просто лежу.

Он усмехнулся — коротко, без веселья. Я почувствовала, как он берёт мою вторую руку. Прохладные пальцы, ровный хват. Как всегда. И вторая нить — бледная, спокойная — стала чуть плотнее.

— Мы справимся, — сказал он.

— Ты уже говорил.

— Скажу ещё раз. Пока не поверишь.

Я не ответила. Просто держала их руки и смотрела в темноту, где висели две тонкие линии. Единственное, что у меня осталось.

Кирилл пришёл через полчаса.

Я узнала его по запаху — он всегда пах полыньёю и сушёной корой. И по звуку шагов: он ходил легко, слегка припадая на правую ногу, последствия старой травмы, которую не успели вовремя вылечить. Кирилл был молод, около двадцати пяти. Когда его дар только открылся, он был очень слабым, но потом Миша помог его раскатать, и он стал значительно сильнее. Он не умеет затягивать раны, как Лина. Он работает с внутренними поражениями: жар, воспаление, инфекции, болезни.

— Ну-ка, — сказал он. Голос был тихий и неторопливый. — Рассказывай с самого начала. Когда началось.

Я рассказала. Про то, как кольнуло ещё в день возвращения. Как списывала на пыль. Как к утру болело постоянно, как к обеду стало невыносимо, как упала. И про то, что вижу сейчас.

Он слушал молча. Потом провёл ладонями по моему лицу — тёплыми, сухими.

— Смотри вверх, — велел он. — Теперь влево. Теперь закрой глаза.

Я делала, что он говорил. Чувствовала его пальцы на висках, на веках, на переносице. Нити дрогнули, сдвинулись вместе с моим взглядом.

— Глаза целы, — сказал он наконец. — Ну, насколько я могу судить. Не больны. Не повреждены. Не воспалены. Я вижу, что с ними всё в порядке. И это самое странное.

— Значит, я не ослепла?

— Я этого не сказал. — Он помолчал. — Я говорю, что глаза здоровы. А слепа ты или нет — не знаю. То, что с тобой происходит, не в глазах.

— А где?

— Вот этого я тебе не скажу. — Он выпрямился. — Я лечу болезни. То, что ты описываешь, болезнью не выглядит. Это похоже на... — Он снова замолчал, подбирая слова. — На изменение. Как тогда, когда у нас всех начал открываться дар. Помнишь, как это было? Голова гудит, в ушах звенит, а потом раз — и открылось.

— Помню.

— Вот на это похоже. Только у тебя пошло через глаза. И потому так больно — потому что глаза не для такого сделаны. — Он вздохнул. — Я не знаю, что с тобой будет дальше. Может, отпустит. Может, нет.

— Ты можешь дать мне что-то?

— От боли — могу. От того, что происходит, — нет. Никто не может.

Я кивнула.

Лина подошла с кружкой. Я слышала травяной запах — тёплый, немного вязкий, с горьковатой ноткой, которую ни с чем не спутаешь.

— Это настой, — сказала она. — Пустырник, боярышник и совсем немного мака. Не сильный. Он не лечит. Он просто даст тебе проспать ночь без боли.

Я взяла кружку двумя руками. Стекло было тёплым, почти горячим — Лина всегда давала питьё только что снятым с огня. Я подула, сделала первый глоток. Горько. Не противно, но горько.

— Пей до конца, — сказала Лина.

Кирилл подошёл и встал напротив кровати. Я слышала, как он переступил, как скрипнула половица под его ногой.

— Яна, — сказал он. Тихо, неторопливо — так говорят люди, привыкшие объяснять понятно и по одному разу. — Послушай меня внимательно. Я осмотрел тебя дважды. Твоё тело здорово. Глаза целы. Ты не больна. Я не нашёл ни воспаления, ни повреждения, ни следа болезни.

Я оторвала кружку от губ.

— Тогда почему я не вижу?

— Потому что дело не в глазах. — Он помолчал. — Я понимаю, что легче было бы услышать другое. Легче было

бы услышать, что у тебя что-то оторвалось, что-то надорвалось, что-то можно зашить или вылечить. Тогда было бы с чем бороться. С чем-то понятным. Но я не стану тебе врать: бороться тебе не с чем.

— И что мне делать?

— Принять.

Он сказал это без мягкости. Просто. Как о погоде.

— Не сегодня, — добавил он. — И, может быть, не завтра. Я не жду от тебя этого сейчас. Но со временем — придётся. Тот, кто воюет с тем, что уже случилось, ломается быстрее, чем тот, кто согласился жить дальше.

— Ты говоришь так, будто это просто.

— Нет. Я говорю так, потому что мне нечего добавить. Всё остальное, что я мог бы сказать, было бы утешением. А утешение — это когда кто-то говорит тебе приятные слова, потому что не может сказать правду.

И всё. Больше ничего. Они не сказали ни «тебе нужен покой», ни «не будем тебя тревожить», ни «пусть она отдохнёт». Хотя обычно они всегда напоминали, что больному нужен сон и тишина.

Я слушала их шаги. Как они взяли какие-то вещи со стола. Как Кирилл попрощался с Павлом и Артуром. Как Лина принесла теплое одеяло. А потом они ушли.

Дверь закрылась.

Тишина стала другой — плотнее, теплее, когда в комнате нас осталось только трое. Я слышала дыхание Павла слева от

себя. И шаги Артура — он обошёл кровать и остановился у окна.

— Он прав, — сказал Артур. — Насчёт того, что бороться не с чем.

Павел не ответил. Я услышала, как он подтянул стул ближе — с противным скрипом по доскам, — сел и взял меня за руку. Просто взял. И молчал.

Я допила настой. Горький след остался на языке, тепло расплзлось по груди и вниз, в живот, мягко и медленно, как вода, впитывающаяся в сухую землю.

Я держалась.

Не знаю, зачем, но я держалась. Сидела с прямой спиной, с кружкой в руках, и говорила себе, что всё в порядке. Кирилл сказал — тело здорово. Лина сказала — будет сон без боли. Значит, всё не так плохо. Значит, надо просто дожидаться утра, а утром что-нибудь станет ясно. Хотя что-нибудь.

— Хочешь, я принесу поесть? — спросил Павел. Голос у него был слишком обычный, будто он изо всех сил старался говорить нормально.

— Нет.

— Воды?

— Нет. — Я помолчала. — Паш, у тебя руки холодные.

— Замёрз.

— На улице тепло.

— Я замёрз здесь, — сказал он.

Я поняла. Он сидел в этой комнате с самого обеда, а я была

без сознания, и он не знал, что будет дальше. Вот и замёрз.

— Тогда иди сюда, — сказала я. — Ближе.

Он подвинул стул вплотную. Я отпустила кружку на тумбочку — боялась промахнуться, но тумбочка была рядом, и кружка встала. Я это услышала. Потом положила руку ему на плечо, нащупала шею, потом лицо — провела пальцами по скуле, по брови. Пыталась вспомнить, как он выглядит. Ничего не вышло.

Я всё-таки не удержалась. Спросила:

— Как ты сейчас выглядишь?

Он помолчал.

— Обычно. Устал. Волосы торчат.

— У тебя всегда торчат.

— Значит, всё, как всегда.

Я хотела засмеяться и не смогла. Горло как-то сжало, будто предупреждая. Я убрала руку и села ровно. Не сейчас. Не здесь. Ещё чуть-чуть подождать.

Я ждала ещё, наверное, минут двадцать. Разговаривала с ними — о всякой ерунде, о том, что пахло хлебом и что завтра, наверное, принесут поесть, о том, что ставни, кажется, скрипят на ветру. Они отвечали. Оба понимали, что я делаю то же самое, что делала всю эту ночь: держусь изо всех сил. И оба не мешали мне держаться.

Потом я поняла, что тянуть больше нельзя.

— Паш, — сказала я. И замолчала, не зная, как сказать это проще.

— Что?

— Мне нужно... — Я запнулась. — В уборную.

Павел встал так быстро, что стул качнулся.

— Я провожу.

— Паша, я не хочу, чтобы ты меня...

— Я провожу, — повторил он. — Ты первый день ничего не видишь. Я не буду смотреть, не переживай.

Мне было стыдно. Не сильно, но стыдно — так, что загорелись щёки. Я вдруг остро почувствовала, сколько во всём этом, что случилось со мной, будет вот такого: простого, бытового и унижительного. Не Тёмные, не Дверь, не ключи и не странные сущности нашего мира. А вот это — сходить в уборную с чужой помощью.

Павел подошёл, взял меня под локоть. Я встала. Ноги держали, но как-то странно — слишком уверенно и слишком пусто одновременно, будто шагали в никуда, не зная, есть ли там пол. Я замерла. Прислушалась к телу, к полу под босыми ступнями.

— Ты чего?

— погоди. — Я приподняла ногу и поставила назад, на пятку. Проверила. — Всё. Идём.

Мы пошли медленно. Комната была небольшой, я знала её наизусть — но знала глазами, а теперь этим знанием было не воспользоваться. Дверь. Потом коридор — там узко, и с обеих сторон стоят шкафы. Я помнила их. Я всегда обходила их одной стороной.

— Прямо? — спросила я.

— Прямо. Держись за меня.

Пять шагов. Я считала. На пятом шаге надо было поворачивать направо, к двери во двор, где стоял сарайчик. Я повернула.

И ударилась.

Не сильно. Не больно — коленом, чуть выше, о дерево. Что-то низкое и жёсткое, чего я не ждала на этом повороте. Мешки, что ли. Или лавка. Я не помнила. Знала только, что предмет этот стоял здесь всегда, а я всегда его обходила, не думая, на автомате, как дышала.

Я остановилась.

Павел сразу подхватил меня крепче.

— Больно?

— Я в порядке. Всё нормально.

И это было последнее, что я сказала этим ровным голосом.

Потому что колено вдруг заныло — тупо, незначительно, — и от этой тупой боли всё, что я держала внутри с самого пробуждения, разом пошло вкось. Я держалась до этого момента. Вот до этого дурацкого тёмного угла, куда я всю жизнь поворачивала не глядя.

Я опустилась на пол. Не села — просто ноги подкосились, и я оказалась на досках, и Павел опустился рядом, пытаясь меня удержать.

И меня вырвало слезами.

Это была банальная истерика. Некрасивая, громкая, с воём, как плачут дети, которым ещё никто не объяснил, что так не принято. Я закрывала лицо руками, но руки не помогали, они были мокрые, и я вытирала ими лицо, и от этого становилось только хуже. Я говорила какие-то обрывки — «я не могу», «я не вижу», «я не понимаю» — и сама себя не слышала. Я пыталась сказать что-то про то, что больше не увижу их лиц и улыбки, и это выходило невнятно и глупо, и от сознания этого глупого я начинала плакать ещё сильнее.

Где-то там был весь ужас этого дня. Вспышки боли. Лазарет. Темнота, полная и плотная, как вода, где у меня не было ни начала, ни конца. Лина, которая осматривала мои глаза. Кирилл, который сказал «бороться не с чем». И этот чёртов угол, который я всю жизнь обходила не глядя и который теперь превратил меня в слепую старуху, не способную дойти до сарая.

Павел отнёс меня обратно в палату и сел на кровать, не выпуская. Артур сел рядом и положил мои ноги себе на колени. Они оба обнимали меня и ничего не говорили.

Ни «успокойся». Ни «всё будет хорошо». Ни «ты сильная, ты справишься». Они просто сидели со мной и позволяли мне выплеснуть всю боль, что скопилась внутри. Позволяли быть не собранной, не сильной и не разумной — просто женщиной, у которой была одна жизнь и которая сегодня сломалась.

Я не знаю, сколько это длилось. Долго. Настой начал брать

своё — слёзы шли, но тело уже делалось тяжелее, движения — медленнее, из горла выходили не слова, а выдохи. Пару раз я думала, что всё, кончилось, и начинала говорить что-то спокойное, а потом снова накрывало, и я снова редела, уткнувшись Павлу в плечо.

В какой-то момент силы окончательно покинули меня. Я чувствовала себя выжатой тряпкой: обмякшей, пустой и мокрой. И мне было уже неважно, где я и в каком виде. Тело тяжело всё сильнее, настой наконец дошёл до конца, и веки — впервые за сегодня — шли вниз легко, без сопротивления.

— Спи, — сказал Павел.

Павел лег на кровать вместе со мной. Артур притулился с другого края и накрыл нас своим плащом поверх одеяла. Я почувствовала запах мороза и хвои.

Чьи-то пальцы убрали волосы у меня со щеки и вытерли мокрое от слез лицо.

Две тонкие линии в темноте держались.

Глава 7. Связи

Сначала вернулось тело.

Горло саднило так, будто я кричала полночи. Веки распухли и не хотели подниматься. Левое колено ныло — я не сразу вспомнила, обо что ударилась, а когда вспомнила, стало стыдно. Спина затекла. Правая рука лежала под чем-то тяжелым и почти онемела.

Я полежала ещё немного, собирая себя обратно.

А потом открыла глаза.

Темнота. Та же, что вчера: полная, без просветов, без серого. Я знала, что так будет. И всё равно где-то внутри держала до последнего надежду, что за ночь всё как-нибудь пройдёт само.

Не прошло.

Страх пришёл, но не такой, как вчера. Вчера он подбрасывал меня и не давал дышать. Сегодня он просто лежал рядом, тяжёлый и неподвижный, как камень на груди. Я слишком устала, чтобы биться.

И в темноте светились две линии.

Я замерла, разглядывая их.

Первая шла от моей правой руки — той, что онемела, — и была плотнее, чем вчера. Раньше она дрожала, как паутина на ветру. Теперь лежала спокойно, и по ней шло что-то ровное, неспешное. Я смотрела и понимала: Павел спит. Не

потому, что слышала дыхание — слышала, конечно, но не в этом дело. По линии шло ровное тепло, медленно, толчками, и в этих толчках было столько его самого, что не узнать было нельзя.

Вторая уходила влево. Бледнее, ровнее, прохладнее. Она почти не двигалась.

Я лежала и думала о том, что мне это, наверное, кажется. Вот в чём была беда. Вчера мне было всё равно — вчера я просто тонула. А сегодня я проснулась с ясной головой, и ясная голова сразу спросила: а ты уверена? Ты ослепла к вечеру, ночью прорыдала часа три, тебе дали настой с маком. Ты уверена, что видишь что-то, а не придумываешь, потому что не можешь вынести пустоты?

Люди сходят с ума и от меньшего.

— Ты не спишь, — сказал Павел. Голос был хриплый, ещё не разработанный.

— Не сплю.

Он убрал руку, и я наконец смогла пошевелить пальцами. Линия дрогнула, качнулась и выправилась.

— Как ты?

— Голова не болит. Глаза не болят. — Я помолчала. — Остальное как вчера.

Он сел. Кровать скрипнула, и одеяло сползло мне с плеча. Я услышала, как он потёр лицо ладонями.

— Есть хочешь?

— Нет.

— А надо.

— Знаю. Потом.

Он не стал настаивать. Просто нашёл мою руку и взял её в свою — привычно, как делал сто раз, — и линия от этого налилась и стала ярче.

Я смотрела на неё и решала, говорить или нет.

Если скажу — он поверит. Вот в чём дело. Он поверит сразу, не задумываясь, потому что ему сейчас важнее меня утешить, чем разобраться. И я останусь при своём: не знающей, вижу я или сочиняю.

— Паш, — сказала я. — Мне нужно, чтобы ты меня проверил.

— В смысле?

— Я вижу линии. От тебя и от Артура. Вчера видела, сегодня они плотнее. Но я не знаю, есть они на самом деле или мне мерещится. И я не хочу, чтобы ты меня успокаивал. Мне нужно понять.

Он помолчал.

— Тогда давай проверим, — сказал Артур.

Значит, он тоже не спал. Я не заметила, когда он проснулся — по линии этого было не видно, она так и осталась ровной.

— Как?

— Просто. — Он сел; я услышала шорох плаща. — Я встану и пойду по комнате. Ты будешь говорить, где я. Если угадаешь один раз — это случайность. Если десять — уже нет.

Вот за это я его и любила. Павел бы сказал «я тебе верю». Артур сказал «давай считать».

— Хорошо.

— Только не жульничай, — добавил он. — Не слушай ша- ги. Я буду ступать тихо.

— Я и не смогу сжульничать. Я тебя не вижу.

— Ты слышишь лучше, чем думаешь.

Он поднялся и отошёл. Линия потянулась за ним — вытянулась, стала тоньше, но не оборвалась. Я следила за её концом, и кончик уходил куда-то вправо и вниз.

— У окна, — сказала я. — Присел или наклонился.

Тишина.

— Дальше, — сказал он.

Линия скользнула. Я повернула голову, хотя поворачивать было незачем.

— Теперь у двери.

— Дальше.

— Вернулся к столу. Стоишь. — Я прислушалась. — Нет, не стоишь. Двигаешься вдоль.

Он остановился. Я слышала, как Павел рядом задержал дыхание.

Мы проверили еще несколько раз и неизменно я знала точно, где находится Артур.

— Сколько раз подряд? — спросила я.

— Восемь, — сказал Артур. — Все верно.

Я откинулась на подушку. Не от радости. От того, что от-

пустило: я не сошла с ума. Это можно проверить. Это существует.

— Ещё, — сказала я.

— Хватит пока.

— Артур.

— Ты бледная, — сказал он. — Ты не видишь, а я вижу. Хватит.

Лина пришла с завтраком, и с ней в комнату вошёл запах хлеба и чего-то варёного. Она поставила всё на стол, помолчала — я почувствовала, что она меня рассматривает, — и только потом взяла меня за запястье.

— Пульс нормальный, — сказала она. — Спала?

— Всю ночь.

— Голова?

— Ничего не болит. Лина, я вижу линии.

— Да, Артур мне сказал в дверях. — Она отпустила мою руку. — Что за линии?

— Они идут от людей. От тебя тоже. — Я нашла её нить — тонкую, бледнее двух других, но заметную. — Ты сейчас слева, у самой кровати. Наклонилась.

Лина не ответила. Я услышала, как она выпрямилась, отошла на несколько шагов и остановилась.

— А теперь?

— У стола. Правее, чем стоял Артур.

Она прошла ещё. Нить вытянулась.

— Теперь?

— У двери. Стоишь боком, кажется.

Долгая пауза.

— Яна, — сказала она, и голос у неё был странный. — Я не знаю, что тебе на это сказать.

— Скажи, что я не сумасшедшая.

— Ты не сумасшедшая. — Она вернулась, села на стул. — Ты видишь то, чего я не вижу и проверить нормально не могу. Я могу проверить сердце. Могу проверить, как срастается кость. А это... — Она замолчала.

— Ты злишься.

— Злюсь, — сказала она прямо. — Двадцать лет учусь чинить людей, и вот передо мной человек, у которого целые глаза и который не видит, и мне нечего делать. Ни зашить, ни вправить, ни настоя дать. Я сижу и смотрю. Мне это не нравится.

— Мне тоже не нравится.

— Вот и хорошо, что не нравится, — буркнула она. — Ешь.

Она пододвинула ко мне тарелку, вложила в руки ложку и, не спрашивая, сказала: суп слева, хлеб справа у края, кружка за тарелкой, не толкни. Просто перечислила и замолчала. И я вдруг поняла, что это первое за сутки, что кто-то сделал правильно — не пожалел, не помог за меня, а сказал, где что лежит.

После завтрака ко мне пришёл Кирилл, посмотрел глаза, спросил про боль, записал что-то в свою тетрадь. Сказал, что

тело по-прежнему здоровое, что признаков болезни нет, и что торопиться с выводами он не станет. И ушёл.

А я осталась с тем, что у меня теперь было: с двумя плотными линиями, одной тонкой, темнотой — и с уверенностью, что всё это не бред.

От уверенности захотелось встать.

— Паш, — сказала я. — Я хочу пройти до двери.

Он поднялся сразу.

— Идём.

— Не так. Я хочу сама.

Он помедлил.

— Я буду рядом. Просто не держи меня, пока я не попрошу.

— Хорошо, — сказал он. — Но я рядом.

Я села на край кровати. Спустила ноги. Пол был холодный и неровный — доски. Колено отозвалось тупой болью, и я переждала её.

Потом встала.

Голова не закружилась, и это было хорошо. Линия от Павла лежала справа — я знала, где он. Линия от Артура была у окна — значит, окно там. Я подумала, что это уже что-то: два ориентира, две точки, от которых можно считать.

И шагнула.

Первый шаг получился. И второй. Пол держал, ноги слушались, я шла на линию Павла и мимо неё, к тому месту, где — я помнила, должна была быть дверь.

На третьем шаге я ударилась. Бедром, с размаху, обо что-то твёрдое и с углом. Вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли, отшатнулась — и уже второй ногой зацепила что-то низкое, что с грохотом поехало по полу. Павел схватил меня за плечи, я вцепилась в его рубашку, и так мы и стояли.

— Стол, — сказал он. — Ты врезалась в стол.

Я стояла и не могла отпустить его рубашку.

Вот и всё. Вот и вся разница между нормальным зрением и тем, что вижу я. Линии показывали мне Павла — я знала, где он стоит, с точностью до шага. Линии показывали мне Артура и Лину. Но линии не показывали мне стол, который стоял тут двенадцать лет, у которого я перебинтовала половину общины и на который я утром ставила кружку.

Люди у меня были. Мира не было.

— Посади меня, — сказала я.

Он посадил. Я села на кровать, прижав ладонь к бедру, и почувствовала, как поднимается злость. Не на Павла и не на стол. На себя — за то, что обрадовалась.

— Ты не с того начала, — сказала Нора от двери.

Я не слышала, как она пришла. И линии её не заметила: та была тонкая, и я, занятая собой, просто на неё не посмотрела.

— Давно ты там?

— С грохота. — Она вошла. — Лина сказала, ты проснулась. Я хотела зайти, но решила сперва спросить, а потом

услышала, как тут мебель ездит.

— Я пробовала дойти до двери.

— Я поняла. — Она подошла и села на стул. — Ты не с того начала.

— А с чего надо?

— Не с линий. — Нора помолчала. — Ты пытаешься ими смотреть. Не получится. Ты сейчас вроде человека, который слышит одну скрипку и думает, что услышит весь оркестр, если вслушается сильнее. Не услышит. Скрипка — это скрипка.

— Тогда как?

— Считать. — Она сказала это просто. — От кровати до двери — шесть шагов, если идти от того угла, где ты сидишь. На третьем шаге слева стол, он выступает. Обходишь его, делаешь ещё три и упираешься в дверь. Ручка справа, высоко, тебе под ребро.

Я слушала и запоминала. Шесть. На третьем — стол. Слева.

— А если я забуду?

— Забудешь — ударишься. Потом вспомнишь. — Нора пожала плечами, я услышала шорох. — Я двенадцать лет живу с тем, что не могу закрыть уши. Это не проходит и не делается легче. Просто в какой-то момент перестаёшь с этим драться и начинаешь пользоваться.

— Помогает?

— Нет. — Я услышала горькую усмешку в ее голосе. —

Но по-другому — хуже.

Она сидела рядом и начала говорить про комнату. Не описывать — она не стала рассказывать мне, какого цвета рама или сколько банок на полке. Она говорила шагами и расстояниями: от кровати до стола три, от стола до окна четыре, полка над столом на высоте лба, под кроватью ящик — если выдвинуть, торчит на ладонь, и об него легче всего споткнуться.

Я складывала. И понимала, что теперь так и будет: мир придётся собирать из чужих слов, и каждое слово запоминать, потому что второй раз мне его никто не повторит.

Это было унижительно.

И это было единственное, что работало.

— Нора, — сказала я. — Спасибо.

— Через неделю поблагодаришь, — сказала она, вставая. — Когда я тебе буду рассказывать, где во дворе лужа.

Она вышла. Я услышала шаги за дверью, и прежде, чем они приблизились, увидела линию — тонкую, бледную, но приближающуюся.

— Там кто-то идёт, — сказала я. — Не Лина. Нить другая.

Павел встал.

— Кто?

— Не знаю. — Я вслушалась. Линия была совсем тонкой, тоньше, чем у Лины и Норы; я уже начинала различать. — Я её знаю, но плохо. Недавно знаю.

Дверь открылась, и голос Вель сказал от порога:

— Я не помешаю?

— Ты её узнала, — сказал Павел тихо.

— Не узнала, — ответила я. — Поняла, что мы связаны меньше, чем с остальными.

И вот это, пожалуй, было первое за весь день, от чего мне стало не страшно. Не то что я справилась. Не то что проверила себе и не сошла с ума. А то, что темнота оказалась не пустой. В ней были люди — и по тому, какие они, я уже могла хоть что-то сказать.

Мир придётся выучить заново. Шагами, чужими словами, синяками на бедре.

Но людей учить не придётся. Я не видела людей. Но уже могла понять, кто рядом, и чувствовала, насколько он мне близок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.